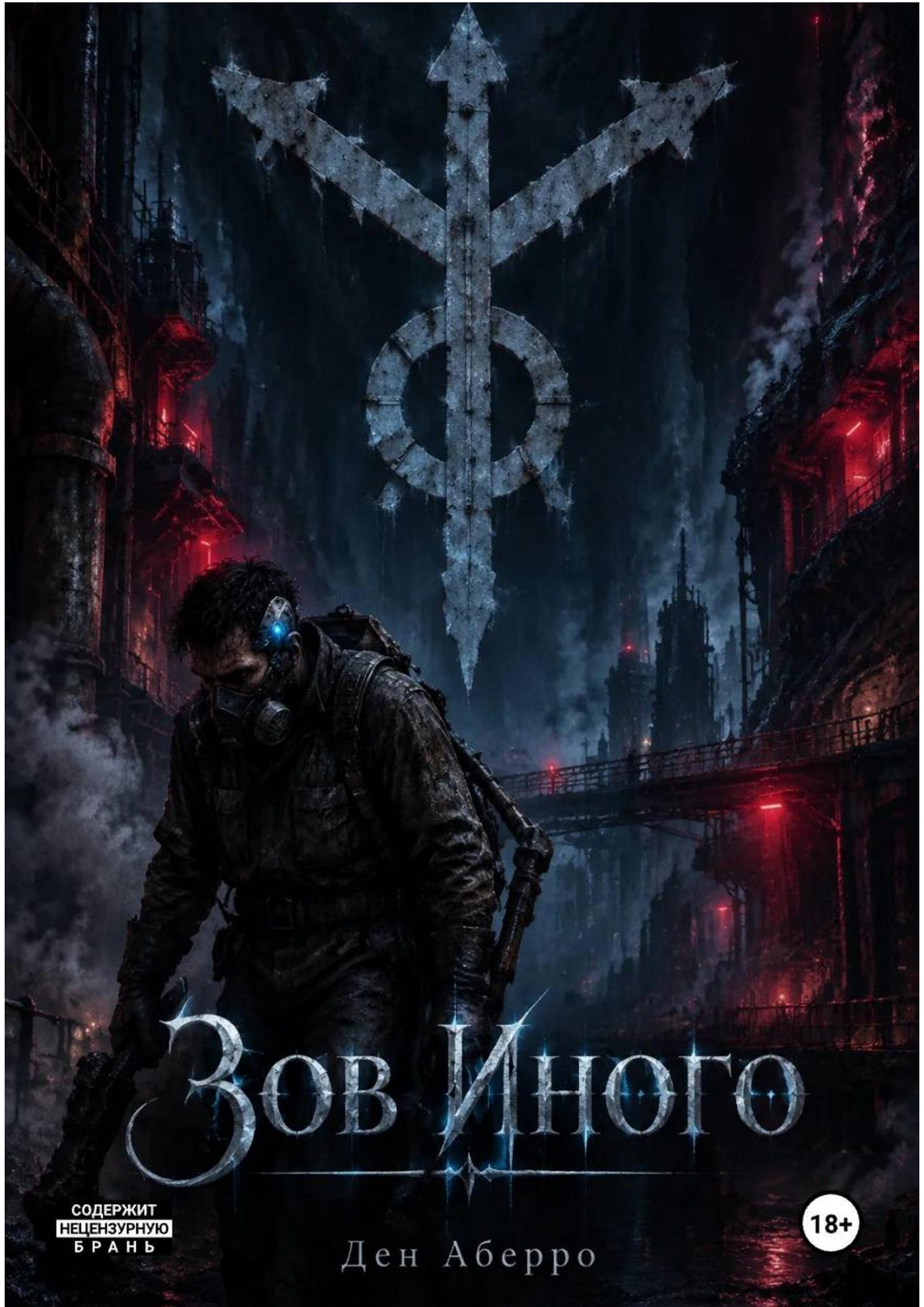

Зов Иного
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
Ден Аберро

Ден Аберро

Зов Иного

«Автор»
2026

Аберро Д.

Зов Иного / Д. Аберро — «Автор», 2026

«Зов Иного» — мрачная повесть о городе без неба, о горе, которое не лечится, а замуровывается, и о цене, которую платит человек, когда соглашается заглушить свою боль машиной. История отца, который хотел только одного: чтобы дочь выросла в мире, где не надо выбирать между работой и её счастьем.

© Аберро Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Сделка с Судьбой» 5
Глава 2. «Иной» 18
Глава 3. «ул. Светлая 2» 26
Глава 4. «Под Прессом» 32
Глава 5. «Долг» 39
Глава 6. «Нижний ярус Нижнего Яра» 45
Глава 7. «Судьи» 55
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Ден Аберро
Зов Иного

Глава 1. «Сделка с Судьбой»

Гарм открыл глаза за два часа до того, как в Приусе включат утреннее солнце.

В комнате было темно. Не той темнотой, что в Нижнем Яре, — густой, пахнущей машинным маслом и гнилью. Домашняя. Тихая. Разбавленная тусклым красным глазком дежурного диода на панели климат-контроля.

Он лежал на спине, не шевелясь. Это было привычкой. На заводах учат не делать резких движений, даже когда просыпаешься. Его тело помнило об этом. Оно всегда помнило.

В затылке медленно пульсировала усталость. Но кто он такой, чтобы жаловаться? Фурман — так на жаргоне банд Нижнего Яра называют человека, который не примкнул ни к одной группировке и живёт обычной жизнью.

Гарм неторопливо сел на кровать, и старая пружина скрипнула. Эта же пружина скрипела под Марой, и с тех пор, как её не стало, Гарм её не менял.

Он посмотрел на стену напротив.

Там, в тусклом свете, висела проекция. Не голограмма — старый добрый экран, словно вмурованный в креолит, с парой битых пикселей по краям. На экране застыла фотография.

Мара, смеясь, держит на руках маленькую Аду. Ей всего пять лет, и у неё такие же серо-голубые глаза, как у матери. Рядом с ними стоит Гарм, ещё молодой: без седых волос на висках, без глубоких складок у рта и без этого тяжёлого, пустого взгляда. Он улыбается. По-настоящему улыбается.

Гарм смотрел на фотографию долго. Каждое утро. Как ритуал. Как наказание.

Он помнил тот день. Они с Марой посетили парк на окраине Помпея. Вход стоил немало для среднего обывателя Приуса — пятьсот коинтов. На них можно было купить хорошую одежду. Но Мара настояла на своём: «Ада должна увидеть настоящие солнца Геонны, пусть даже через купол Помпея».

Они наслаждались сладостями и чаем с плантаций, и Мара так заразительно смеялась над его шутками, что на них оборачивались прохожие.

А потом был обычный день. Мара работала диспетчером связи на его предприятии. Сдав смену, она решила вернуться домой пораньше, чтобы помочь Аде с подготовкой к школе.

Путь от проходной к лифту был таким же, как и всегда. Но в тот вечер всё изменилось из-за внезапной перестрелки.

В Нижнем Яре две враждующие банды — «Красные» и «Каста» — делили территорию. Это была обычная ситуация для этого района. Мара оказалась там случайно — она просто шла домой.

Мара была фурманом, диспетчером связи, и по негласному кодексу банд её нельзя было трогать. Однако пуля не разбирает, кто перед ней. Она просто летит.

В тот день её смерть — нелепая, случайная, несправедливая — стала ключевым моментом. «Центр», параллельная банда, одна из самых влиятельных в Нижнем Яре, использовала её гибель как рычаг давления, заставив «Красных» и «Касту» сесть за стол переговоров. Её кровью было куплено хрупкое перемирие в серых зонах. «Красные» согласились после того, как им напомнили, что условия кодекса висят на каждой стене заводов Нижнего Яра.

Гарму сообщили через диспетчера. Телла — та, что приняла смену после Мары, — сказала: «Гарм... Твоя жена погибла. Прими наши соболезнования. При исполнении долга. Виновник уже наказан. Знаю, что этого мало, но... Компенсация будет выплачена. И мы лично проследим, чтобы мемориал в её честь был установлен где нужно».

Ему выплатили пять тысяч коинтов. Столько стоил подержанный кар. Поставили стальную табличку на стене мемориала. Наказали какого-то мелкого бандита — стрелочника, который даже не держал оружия в тот день. Показательно. По кодексу. Чтобы остальные не забывали.

Но деньги не вернули Мару. И наказание не вернуло. Гарм не открыл конверт с физическими коинтами. Не потому, что не хотел. Потому что не знал, что с ними делать. Деньги пахли её смертью.

Впрочем, он нашёл им применение. Через месяц отнёс конверт в кассу средней школы Приуса. Оплатил репетиторов для Ады на несколько лет вперёд. Купил ей шанс. Хрупкий, тонкий шанс удержать зелёный индикатор и не оказаться в итоге на заводах Нижнего Яра. Может быть, в этом и был смысл. Может быть, Мара хотела бы именно этого. Но легче не становилось.

Боль никуда не ушла. Она была внутри. Живая. Грызущая. Каждое утро, глядя на фотографию, он чувствовал, как она скребёт когтями изнутри. Он пил воду, но она не смывала привкус пепла. Он работал, но руки дрожали, когда он вспоминал её голос.

Гарм осторожно поднялся с постели, стараясь не разбудить Аду, которая спала в соседней комнате. Ей уже исполнилось двенадцать, и полгода она ходила в первый класс общеобразовательной школы. Как и все дети в Приусе, Ада спала очень чутко. Гарм сделал всё возможное, чтобы не потревожить её сон.

Он прошёл на кухню — нишу с синтезатором и маленьким столом. Достал из верхнего шкафчика паёк — кукурузные хлопья с соевым молоком. Положил на стол. Туда, где Ада найдёт его утром. Возможно, она не съест. Она почти ничего не ела с тех пор, как не стало Мары. Но он оставлял. Потому что не знал, что ещё сделать.

Он налил себе воды. Выпил залпом. Вода была холодной, отдавала металлом. Но это была вода, а не вкус пепла во рту.

Потом надел комбинезон. Серый. Рабочий. С меткой завода на плече. Проверил пропуск. Пока есть пропуск — он нужен. Пока нужен — он человек. Пока человек — он жив.

Он уже приложил руку к замку гермодвери, когда за спиной послышался тихий скрип.

— Пап?

Гарм замер. Обернулся.

Ада стояла в проёме своей комнаты. Маленькая. В большой пижаме, которая была ей велика на два размера, — подарок мамы. Волосы растрепались, глаза слипались. Но она смотрела на него. Внимательно. Как взрослая.

— Пушинка, ты чего не спишь? — спросил он. Голос прозвучал хрипло. Он редко говорил по утрам.

— Ты ходил, — сказала она, продирая заспанный глаз. — Я слышала. Ты во сколько пришёл?

Гарм посмотрел на часы на стене. Половина пятого утра.

— Ты уже спала, — сказал он. — Я не хотел тебя будить.

Ада ничего не ответила. Просто стояла и смотрела. В её взгляде было что-то такое, от чего у Гарма перехватило горло. Что-то, что он не хотел чувствовать. Что-то, что разрывало его изнутри.

— Иди спать, — мягче, чем хотел, сказал Гарм. — Ещё рано. В школу только к восьми.

— А ты придёшь сегодня? — спросила она. — Не поздно?

Гарм молчал. Он не знал. Смена могла закончиться вовремя. А могла — нет. В Нижнем Яре ничего нельзя было знать наверняка. Кроме того, что работа не кончается.

Он открыл рот. Закрыл. Потом сказал:

— Постараюсь.

Ада кивнула. Медленно. Как будто не поверила. Но не стала спорить. Она уже знала: спорить бесполезно. Отец сам себя душит работой.

Она развернулась и ушла обратно в комнату. Дверь тихо закрылась.

Гарм постоял ещё секунду. Посмотрел на закрытую дверь. С тех пор как он сказал, что мамы больше нет, она почти не смеялась. Ему было от этого не легче. Терять одного человека и видеть, как убивается другой.

«Все мы уходим. Кто-то раньше, кто-то позже», — сказал он ей однажды. Он не знал, что ещё сказать. Тогда ему показалось: это лучшее, что можно было сказать.

Стоя у выхода, он ещё раз посмотрел на фотографию на стене. Мара улыбалась. Ада смеялась. Он — молодой, счастливый — обнимал их обеих. Тогда он впервые назвал Аду «Пушинка». Лёгкая, беззаботная, счастливая.

Боль ударила в грудь. Острая. Живая. Не отпускающая уже год. Он сжал кулаки, пережидая спазм. Привык. Почти.

Он открыл гермодверь и шагнул в холодный свет подъезда.

———

Приус давил на плечи, как старый бетон.

Гарм сошёл с магнитки на платформу. Здесь не было единой серой массы. Пространство гудело, делясь на невидимые сектора.

У самых путей, в клубах пара, копошились чистильщики в жёлтой химзащите — вычерпывали конденсат и дохлых крыс. Чуть выше, у торговых автоматов, толпились клерки из администрата: отглаженные воротнички, стёртые до блеска портфели, лица цвета офисной бумаги. Они брезгливо обходили лужи. А у опор купола, в тени, сидели на корточках бродяги. Пустые глаза, синтетические лохмотья, вживлённые в кожу разъёмы кустарных сетей. Они смотрели на клерков, как на еду.

Над головой висело искусственное небо. Соты экранов транслировали фальшивый рассвет. Бело-голубой свет не грел, только заставлял щуриться и подчёркивал синяки под глазами у тех, кто не спал вторые сутки.

На торце дома — огромный, мерцающий экран, транслирующий информацию о планах на день:

———

ДОБРОЕ УТРО, ПРИУС!
ВРЕМЯ: 5:49. ЯСНО
ТЕМПЕРАТУРА «СЕКТОРА 13»: +25°
СУХОСТЬ ВОЗДУХА: ПОВЫШЕННАЯ
В СИСТЕМНЫХ ПЛАНАХ ПЛАНИРУЕТ ЛЕГКИЙ ДОЖДЬ НА 16:47.
ХОТИТЕ ХОРОШО ПРОВЕСТИ ВРЕМЯ? ПРИГЛАШАЕМ ВАС ПОСЕТИТЬ НАШ ПАРК В «СЕКТОРЕ 01». УЛ. СВЕТЛАЯ, 2.
СЧАСТЛИВОГО ДНЯ!

———

И следом почти всегда шла реклама какого-нибудь кино или синтетического продукта.

Дождь тут был искусственный. Погоду создавало искусственное небо над головой, которое транслировало настоящее солнце родной планеты — Терры. На Геонне день длится в два с половиной раза дольше стандартного дня Терры, а год Геонны идёт за три земных. За почти

пять тысяч лет колонисты на Геонне так и не адаптировались к местному времени. И стандартные двадцать четыре часа соблюдались независимо от положения солнца на поверхности.

Гарм шёл сквозь этот слоёный пирог, стараясь не смотреть никому в глаза.

Он свернул к лифту. У широких металлических ворот станции стояли они. «Централовские» — так называемая элита Нижнего Яра, возомнившая, что именно на них всё там держится. Трое. Чистые, с иголочки. Словно его и ждали. На фоне серой толпы их дорогие длинные плащи и кустарные хромированные импланты выглядели как бриллианты среди стеклянной мишуры. Они стояли расслабленно, перегораживая половину прохода. Один из них, с имплантом вместо левого глаза — красный огонёк тускло мерцал в глазнице, — жевал что-то и сплёвывал на пол.

Гарм поравнялся с ними. Почувствовал на себе взгляд. Липкий, оценивающий. Как будто тебя ощупывают грязными руками, проверяя, не отвалилось ли что.

— Здорова, Гарм, — лениво окликнул Карон, тот, что с красным глазом.

Гарм остановился. Медленно повернул голову.

— И тебе не закашлять. Чего нужно?

— Ты сегодня у Бинаров технаришь? — спросил Централовский.

— Сам понял, что спросил? — глухо отозвался Гарм. — В других местах я не работаю.

— Да не, ты не понял. — Централовский прокашлился, поняв, что спросил глупость, но глаза остались холодными. — Передай Телле, что транзит в центре задерживается. Пусть пересчитает график, иначе ваши же люди останутся без груза.

— Без какого груза?

— Она поймёт.

— А сам?

— А у меня с ней контакт не налажен. — Он пожал плечами и отступил в сторону, освобождая проход. — А ты у нас уже как дипломат. — Он подмигнул.

— Ясно, — буркнул Гарм.

«Бинары» с «Центром» особо не конфликтуют. Да и незачем. Их сотрудничество выгодно обеим сторонам: «Центр» держит центр Нижнего Яра, активно работая с Домом Стоук, а «Бинары» — настоящие фанаты кибернетики и полурелигиозная секта — держат механическую часть сборочных заводов. Лучшие технари-инженеры, разумеется, только у них. Включая его самого. Гарму лишь было странно, что он обратился именно к нему.

Гарм уже занёс палец над сенсором за ухом, чтобы вызвать Теллу, но остановил его в миллиметре от уха.

— Лучше передам лично, — сказал он сам себе. — Заодно и спрошу, что это за курьерская подработка.

Двери сомкнулись с лязгом, отрезав свет платформы, и лифт пошёл вниз. Гарм встал, вжавшись в угол, чувствуя плечом чужое тепло. Пахло потом, немытыми телами и дешёвым дарием.

Боль по Маре ворочалась под рёбрами, как ржавый гвоздь. Она всегда приходила в такие моменты. Когда вокруг были теснота, духота, чужие тела. Когда он не мог отвлечься работой.

Он сжал зубы так, что заныли челюсти. Смотрел на индикатор секторов и ярусов.

...
«СЕКТОР 17»
«СЕКТОР 18»
«СЕКТОР 19»
...

Лифт спускался с неба, сектор за сектором уходя под землю. А после «СЕКТОР 00», после глубокого погружения через толстый слой базальта, внизу уже отсчитывались ярусы Нижнего Яра — индустриальной части Помпея-Приуса.

Свет за окнами становился серо-бурым, с редкими вспышками огня от труб. Воздух в лифте — ещё более спёртым: системы рециркуляции здесь работали на износ.

...
«ЯРУС 26»
«ЯРУС 25»
...

Двери разъехались на «ЯРУС 05». Ниже — только водоочистительная система, а за ней печально известные стоки с их жуткими обитателями. В лицо ударил воздух Нижнего Яра. Густой, как сироп. Тяжёлый. С привкусом горелого металла и тухлой воды. Гарм натянул респиратор. Резина прилипла к лицу, пахла чужой кожей и дезинфекцией.

Он шагнул в темноту, чувствуя, как грязь Нижнего Яра налипает на подошвы. Впереди, в тусклом свете аварийных ламп, дышал завод. Чёрная громада, изрыгающая пар и вонь.

———

Гарм знал дорогу до завода наизусть. Знал, что обойти, где перепрыгнуть. У входа в огромный цех стояла мемориальная доска. Он видел её не в первый раз. Это был его собственный ритуал — подойти и поздороваться со всеми погибшими. Но всегда он задерживался у имени своей жены.

«Мара Сарх. 3980–4012. Долг. Память. Скорбь».

— Привет, Мара. Ада сейчас дома. Скоро в школу. Она старается, учится, — одними губами произнёс он. Мимо проходили коллеги. Они не смели окликнуть его — понимали. Протерев табличку от копоти, Гарм увидел, как она блеснула холодным отражающим светом. Это он принимал за улыбку. Приложив два пальца к респиратору в районе губ, он передал табличке поцелуй:

— Вечером буду, Мара. Не скучай.

И направился ко входу.

———

Завод был живым. И больным.

Станки скрежетали, выли, плевались искрами. Тяжёлые прессы опускались с таким звуком, будто ломали кости. Везде текла смазка — чёрная, густая, как кровь больного. Она капала с потолка, собиралась в лужи на полу, пачкала стены. Воздух был плотным от испарений кислоты и перегретого железа.

— Гарм! — окликнул его старший смены Гарон, высокий широкоплечий мужчина. — Наконец-то. Седьмой штамповочный станок барахлит. Надо срочно его починить!

Не успев даже позавтракать. Сразу, сходу — и работа.

— Ты мне позавтракать-то дашь? Ночной дежурный отдыхал, что ли?

— Ну, ты же знаешь этих ночников: срутся, напьются и с тупыми мордами делают умный вид, будто разбираются. Они третью неделю промышленный пресс починить нормально не могут. А тебя я знаю — ты сделаешь. Недаром сами «Бинары» тебя хвалят. — Он по-дружески шлёпнул Гарма по плечу. — После ремонта позавтракаешь. А этих ночных я отправлю сортиры чинить. Там очистители барахлят. Будут мне по Нижнему Ярусу тухлое мясо гонять. — Он сделал задумчивую паузу и продолжил: — А вот со станком надо срочно, иначе работа встанет.

Он развернулся по-деловому и направился в другой проём.

Гарон был превосходным специалистом, даже превосходил Гарма по опыту. Однако сейчас его основная задача заключалась в том, чтобы разбирать отчёты начальника цеха и отправлять их напрямую в головной офис Поднебесья. Работа была не из приятных, но Гарон неплохо справлялся, хотя и чувствовал себя уже не совсем уверенно в роли хорошего специалиста.

Гарм вздохнул, что-то пробурчал, но всё же согласился. В ночную смену часто набирают практикантов с колледжей, и ремонт туалетов для большинства из них — самое подходящее занятие.

Он открыл планшет, на котором синим маревом отобразилась схема завода. Сломанный станок, который нужно было починить, находился всего в паре проёмов от него. Убрав устройство, Гарм направился к нему.

Остановившись у станка номер семь, он положил ладонь на холодный металл. Станок издал нездоровый свист.

— Мать… — выплюнул он зло. Накрылась подача масла на шестерни. Не исправить — значит выкинуть его как хлам. А это потеря партии. «Бинары» будут недовольны. Он выдохнул, бросил сумку с инструментами на пол, открутил защитные болты, вырубил питание и полез внутрь. Работы минимум до обеда.

Вокруг работали люди, погружённые в свои мысли. Сгорбленные спины, грязные лица — никто не обращал внимания на окружающих.

В углу стоял станок номер восемь, который пока пустовал. Не могли найти нового фурмана. Три года назад на этом станке работал Ронан — обычный человек, с которым иногда выпивали после смены. Но потом его заразил червь: он уснул пьяным в туалете. Ронан успел убить червя, но яд уже был впрыснут в его ногу. Спустя несколько дней он исчез. Просто ушёл в неизвестном направлении и пропал навсегда, оставив своему старому другу Гарму прощальную записку с одной лишь фразой: «Прощай, друг».

— Жаль, хороший был мужик, — пробормотал Гарм, глядя на пустой станок.

Через день его имя исчезло из списка фурманов. Ещё через два на его место пришёл новый человек. Молодой. Гарм не помнил его имени не потому, что не хотел, а потому, что это было не так уж важно. В Нижнем Яре люди быстро забывают имена тех, кто приходит сюда ненадолго.

В обеденный перерыв Гарм присел у стены и достал свой паёк. Это была дешёвая, но питательная синтетическая смесь, напоминающая обычный холодец с кубиками куриного мяса. Он выдавил её в рот и проглотил, почти не жуя. Желудок принял её, но не выразил особой благодарности. Гарм экономил даже на себе.

К нему подошла Телла. Диспетчер. Худая, стройная, с серым лицом — она выглядела так, будто сама не спала неделю. Она смотрела в свой планшет, светящийся бледно-зелёным.

— Привет, Гарм, — сказала она, стараясь не поднимать глаз от планшета.

Он промычал что-то невнятное, дожёвывая хлебец.

— Зайди в мастерскую к Скету. Он тебя зачем-то звал.

Скет. Техно-инженер. Тот самый, что ставит кустарную аугментацию покалеченным бандитам и отчаявшимся бедолагам. Гарм встречался с ним раньше. Бинары частенько приходили к нему за услугами, хотя сами являлись одними из лучших инженеров-механиков в Нижнем Яре. Скет за свои услуги берёт недорого, но если ошибается — становишься очередной записью на мемориальной табличке.

— Зачем? — спросил Гарм. Голос был хриплым.

— Не знаю, — Телла наконец подняла на него глаза. В них была грусть и… надежда? — Сказал, дело есть.

Она чуть помедлила, прежде чем отвернуться. Как будто хотела сказать что-то ещё. Но не сказала.

— Подождёт, — сказал Гарм. — У меня ещё станок не заработал. И это… — Он вспомнил. — Какой-то хер из Центра передал, что транзит в третьем секторе задерживается. Надо пересчитать график, иначе наши останутся без груза.

Она скривила губы недовольно.

— Пао это не понравится.

Гарм пожал плечами.

— Да, в карман этого жирдяя ударит. Но моё дело передать. И что это за «передайки», Телл? Я похож на курьера-передатчика?

— Нет, просто… — она выдохнула, поняв, что её поймали. — Просто переживаю за тебя. — Она помолчала. — У тебя смена в субботу?

— Смена.

— У меня тоже. — Пауза. — Может, после? Есть одна забегаловка на двадцать втором. Не Поднебесье, конечно, но синтетика качественная.

— Телла…

— Я знаю. — Она наконец посмотрела на него прямо. — Просто ответь «нет», а не «в другой раз».

Гарм вздохнул. Он понимал, что нравится ей, но начинать новые отношения был не готов. Это было бы попросту бесчеловечно по отношению к ней.

— Нет, Телла. Прости.

Она кивнула, чуть опустив носик. Её запах — цитрус и мята — ещё витал в воздухе.

— Ну, в общем… Тебя Скет ждёт.

— Понял.

Телла развернулась и направилась по проёму.

Гарм посмотрел на свои маслянистые руки и тряпку. И есть уже расхотелось.

———

Мастерская Скета пахла машинным маслом, озоном и горелой плотью.

Это был подвал, вырытый прямо в креолитовой породе. Стены были покрыты слоем чёрной копоти. На столах валялись разобранные импланты, провода, куски хрома. В углу стояла клетка. В ней, свернувшись в тугой комок, лежало что-то маленькое. Сшитое из кусков гниющего мяса и костей. Оно тяжело дышало, но не двигалось.

В центре подвала стоял он.

Скет.

Его тело казалось сплошным чёрным хромом с холодным синим отливом, отражающим свет тусклых ламп. Глубокий капюшон из промасленной ткани скрывал голову. Вместо лица — массивная металлическая маска-респиратор, напоминающая звериный оскал с вертикальными прорезями. Из-под капюшона и из этих прорезей пробивался неоново-красный свет. Глаза-импланты. На плече, на плотной чёрной ткани, белел символ: вертикальный стержень, две перекладины, кольцо. Знак Бинаров.

Он повернулся к Гарму. Движение было плавным, без человеческого рывка. Хром тихо лязгнул.

— Садись, Гарм, — раздался его голос. Слегка металлический, приглушённый маской, но ясный.

Гарм сел. Металлический стул скрипнул по полу.

— Телла сказала, у тебя дело.

— Телла… — он чуть задумался, будто хотел этим что-то сказать, но перешёл к делу. — Дело есть, да.

Скет отложил инструмент. Посмотрел на Гарма внимательно. Слишком внимательно.

— Ты выглядишь хреново, брат. Даже для фурмана. Как будто тебя изнутри выжигают. Мои сканеры не обманешь.

Гарм ничего не ответил. Он просто смотрел на клетку в углу. Мясо внутри шевельнулось.

— Не обращай внимания, — Скет перехватил его взгляд. — Это моя собака. Ну, точнее, то, что от неё осталось. Мутавирус почти сожрал её. — Он криво усмехнулся. — Единственное, что делало меня человеком. Но… законы термодинамики и мутавирус решили иначе.

Он чуть наклонился к Гарму и прошептал:

— Если Санация или Патрули узнают, меня выжгут вместе с ней. — Он мрачно улыбнулся. — Но ты же не будешь сдавать?

— Ты меня за стукача держишь? — недовольно буркнул Гарм.

— Нет, конечно. Просто проверка. — Он зашёл за стол и, упав на стул, откинулся на спинку.

— Говори, чего звал, и я пошёл.

Скет молча бросил на стол имплант. Гарм непонимающе глянул на него, потом на Скета. Брезгливо отодвинул его от себя двумя пальцами.

— Что это за хрень?

— Это вчера мы нашли в Стоках под Нижним Яром. Ну, ты знаешь: канализация, вонь, конструкты шарят за свежим мясом. Мёртвым, конечно. Собирают из него новую ходящую массу. Мутанты, все дела.

— Ты меня пригласил, чтобы мне карту стоков пересказать?

Скет вздохнул. Точнее, это выглядело именно так. Глаз сменил цвет с красного на синий.

— Это боевой имплант «Службы Санации». Видать, какая-то дамочка погибла, и её не успели вытащить вовремя. Тело выжгли, а имплант забыли. Странно, правда? — Скет изобразил намёк на улыбку. — Я проверил его. Синапса там нет. А если бы и был, наш цех уже давно обмотали жёлтой лентой, и серьёзные ребята из Нексуса держали бы нас мордой в пол. — Скет сделал усмешку, кашлянул и продолжил по делу: — Этот имплант отвечает за подавление негативных эмоций. В твоём случае — идеальный вариант, Гарм. Я убрал лишний боевой интерфейс, оставив только то, что глушит эмоции. Ну и как бонус — усиливает сигнал связи.

Гарм ненадолго задумался, осмотрел имплант. Тот был выключен, выглядел как таблетка размером с кулак. Потом глянул на Скета.

— Так просто? — Гарм приподнял левую бровь.

— Не совсем. — Скет вздохнул и многозначительно кивнул. Его глубокий, чёрный с синевой капюшон с эмблемой Бинаров шелохнулся. — По факту ты перестанешь быть обычным человеком. Импланты, как ты понимаешь, огромная редкость. Руки, ноги… — Скет отмахнулся, — это можно заменить аугментацией у любого кривого техника. Но имплант… — он постучал хромированным пальцем себе по виску. — Их вживляют либо отличившимся, либо отчаявшимся. Ты отличный инженер-механик, но при этом убиваешься из-за своей жены. Так что кто ты, отличившийся или отчаявшийся, решать тебе.

Гарм уставился на него серьёзным взглядом. Скет был спокоен и даже слегка расслаблен. Он смотрел на него прямо, мигая красными имплантами вместо глаз под глубоким капюшоном. Вёл себя так, будто очередь к нему не первая и за дверью стоят ещё человек двадцать.

— И куда это ты мне хочешь присобачить?

— Он «собачится» на височную долю, уходя в нижнюю часть твоего затылка, чтобы управлять эмоциями.

— Я буду полукиборгом на полрожи?

Скет пожал плечами.

— Я не осуждаю твои взгляды. Но твои перспективы крайне неутешительные, Гарм. Поверь мне. Я видел много людей, убитых горем. — Он наклонился вперёд, сложив тёмные хромированные руки домиком на столе. Глаза мигнули. — И у тебя три дороги. Первая: однажды тоска приведёт к крайнему, и ты сторчишься грибами. Вторая: ты просто умрёшь от сердечного приступа, несчастного случая — да что угодно. Но скоро. Твои рефлексы замедлены от утраты. Тело человека несовершенно. И ты сам об этом знаешь. Особенно когда его выжигает изнутри чувство потери. И третья… — он одними пальцами подвинул имплант к Гарму. — Я уже озвучил ранее. Тебе стоит его только… включить.

В горле Гарма встал ком. Он хотел сказать «нет». Хотел встать и уйти. Но не мог. Потому что Скет был прав. Он устал. Он хотел, чтобы боль ушла. Любой ценой.

В его сознании возникло лицо Ады, стоящей в дверном проёме. Она выглядела сонной, но её взгляд был полон внимания. «Ты придёшь сегодня?» — спрашивала она, ожидая ответа. Как всегда, она ждала его. Но он не мог дать ей даже этого: внутри него словно всё выгорело, и от него осталась лишь оболочка, которая ходила на работу и оставляла на столе свой паёк.

— Цена? — выдавил Гарм.

— Считай, это будет подарок. — Скет улыбнулся. — Мне бы поскорее избавиться от него. Если Санация увидит у меня этот имплант… — Он криво улыбнулся и глянул с намёком на собаку в клетке. — Ты понял.

Скет сказал «подарок» и тут же отвернулся к столу, как будто хотел закрыть тему.

— Ага. Они делают такие штуки только для своих. Я уже понял, что кристалла синапса там нет, но сам имплант есть. Я, простой фурман с Приуса, буду выглядеть с этим железом на пол-лица как новогодняя ёлка с огромной звездой на шпиле. Что они со мной сделают?

— Ничего, — уверенно заявил Скет, не оборачиваясь. — Я тщательно перебрал корпус, убрал активные модули слежения, оставив только подавитель, и дополнил его своим собственным компонентом. При вживлении я пожертвую серийным номером другого бракованного импланта, и он будет числиться в реестре как инженерный помощник. Вопросы возникнут только у твоих коллег по цеху. Но если у меня будет незарегистрированный имплант, то первая же проверка обязательно спросит, откуда он. А я законы, скажем условно, нарушать не люблю. Я не могу вшить в него серийный номер без носителя. Тебе лишь нужно заплатить за брак. Там сущие коинты, чтобы покрыть транзит. Теперь понимаешь?

Гарм молчал. Смотрел на имплант. Гладкий, холодный, как хоккейная шайба. Вживить — и всё?

Он вспомнил лицо Ады в дверном проёме. «Ты придёшь сегодня?»

Он не был в восторге от имплантов, считая, что его тело должно быть чистым. Он полагал, что мозг и руки способны справляться со своими функциями без посторонней помощи, а металл в голове — это не для него. Однако то, что разъедало его изнутри, причиняло вред не только ему, но и Аде. Она старалась держаться, но он не мог. Если он не примет меры, однажды она увидит, как он разрушается, и, возможно, тоже не сможет противостоять этому.

Это съедало его изнутри. Медленно. Как кислота. Как мутавирус — собаку в клетке. И ему предложили панацею.

— Вживляй, — сказал он.

Глава 2. «Иной»

Скет не стал тянуть. «Раз решил — нечего сопли жевать». Он кивнул на металлический стол в глубине подвала. Тот самый, где обычно разделывал туши для своих кустарных опытов.

Стол был покрыт сеткой мелких царапин и застарелых бурых пятен, которые не отмывались даже спиртом, — и это о чём-то говорило. Гарм лёг на него спиной вверх, как велели. Металл обжёг кожу через тонкую ткань комбинезона ледяным холодом.

В мастерской пахло отвратительно. Машинное масло и озон от паяльников смешивались с густым, сладковатым запахом гниющего мяса, который тянуло от клетки в углу. Собака Скета больше не дышала. Она просто лежала там, свернувшись в комок из кусков плоти и костей, и её запах заползал в лёгкие, оседая на языке привкусом меди.

Скет двигался за спиной. Гарм слышал лязг инструментов, щелчки каких-то зажимов, тихое шипение газовой горелки. Потом техно-инженер подошёл ближе. Его шаги были неровными: живая нога ступала мягче, хромированная отзывалась коротким металлическим стуком.

— Значит так. — Голос Скета звучал глухо, как будто он стоял в бочке. — Анестезии нормальной нет, сам понимаешь. Есть только кустарная смесь местного разлива. Она притупит боль, но не уберёт ощущения. Будешь чувствовать, как режут кость. И как сверлят череп — тоже будешь. Больно быть не должно. Но, прошу, не шевелись.

Гарм уткнулся лбом в холодный металл стола. Закрыл глаза. На несколько секунд он засомневался. Но раз решил, то назад дороги нет.

— Делай.

— Люблю такие подходы. — Скет положил ему на плечо тяжёлую хромированную руку. — Если дёрнешься в момент, когда я буду вводить контакт в затылочную долю, ты можешь остаться овощем. Или трупом, в худшем случае. А мне потом твой труп куда-то девать. У меня и без тебя проблем хватает.

Он отошёл. Вернулся через минуту. Что-то зажужжало — тонко, визгливо, как комар размером с кулак.

— Это бормашина, — сказал Скет. — Не бойся. Она старая, но не подведёт.

Гарм почувствовал укол в шею. Холодный. Обжигающий. Кустарная анестезия растеклась по затылку, стягивая кожу, делая её чужой и деревянной. Но когда Скет приложил к его затылку что-то острое и надавил, боль всё равно вспыхнула — яркая, режущая.

— Терпи, — буркнул Скет.

Он начал резать.

Гарм слышал, как расходится кожа. Как скребёт по кости металл. Звук был влажным, тяжёлым, отвратительным. Он отдавался прямо в ушах, в зубах, в горле. Запахло свежей кровью — резко, солёно, — перебивая вонь гниющей собаки.

Потом в дело пошла бормашина. Визг заполнил весь подвал, вгрызаясь в череп. Гарм чувствовал вибрацию — она отдавалась во всей голове, в челюсти, в глазах. Металл входил в кость. Скрежет. Хруст.

Гарм вцепился пальцами в край стола. Костяшки побелели. Он хотел закричать. Хотел встать. Но тело не слушалось. Оно словно одеревенело, парализованное не столько анестезией, сколько ужасом.

— Хорошо, — пробормотал Скет. — Кость вскрыта. Теперь самое интересное.

Гарм услышал, как он берёт со стола имплант. Металлический щелчок.

— Ты готов? — спросил Скет. Вопрос звучал иронично. Если Гарм кивнёт или пошевелится — может быть, труп. Поэтому он не ответил.

И тут Скет начал читать.

Голос его изменился. Стал ниже. Торжественнее. Он больше не звучал как хирург. Он звучал как жрец. Как фанатик.

— Сфера, — произнёс он шёпотом. Как заклинание. Еле слышно. Слова были странными. Не на сагнатском. На каком-то древнем, гортанном языке, от которого вибрировал воздух. — Я отсекаю плоть. Отсекаю разум. Эта часть кода принадлежит тебе. Я отсекаю эту связь. Теперь он чист. Он — в шаге к бесконечному. Отсекаю то, что делает его слабым. Отсекаю боль. Отсекаю страх. Отсекаю тоску. Делаю его чистым. Делаю его… своим.

Гарм почувствовал, как что-то холодное и твёрдое — не просто металл, а нечто живое, пульсирующее, — коснулось его обнажённого черепа.

Боль взорвалась.

Не та боль, что от бормашины. Другая. Она ударила изнутри. Как будто в голову залили жидкий азот. Как будто раскалённый прут пронзил затылок насквозь и вышел через глазницы. Гарм выгнулся на столе. Из горла вырвался хрип, больше похожий на рычание.

— Отбираю его, — продолжал Скет. Голос его был спокоен. — Его код чист. Он готов. Он наш.

Имплант вошёл в кость с влажным, тошнотворным щелчком.

Гарм замер. Боль не ушла. Она осталась. Но вместе с ней пришло что-то ещё.

Тишина.

Не та тишина, что бывает в пустой комнате. Другая. Как будто все звуки разом отодвинули на несколько шагов назад. Визг бормашины, гул вентиляции, бульканье воды в клетке — всё стало далёким, приглушённым, как сквозь толщу воды.

А потом он попытался вспомнить Мару.

Её лицо. Её голос. Её смех.

Образ всплыл в памяти. Чёткий. Яркий. Живой.

И боль пришла.

Но не та, что раньше. Не острая, скручивающая, выжигающая изнутри. Другая. Глухая. Далёкая. Как будто где-то в глубине его тела, в самом дальнем углу, кто-то тихо плакал. Он слышал этот плач. Знал, что это его боль. Но между ним и этой болью теперь стояла стена. Толстая. Стеклянная. Непробиваемая.

Он видел её. Слышал её. Но не мог до неё дотянуться.

— Ну как? — Скет смотрел на него, склонив голову набок. Красный глаз тускло мигал. — Работает?

— Странно, — сказал Гарм. Голос прозвучал ровно. — Я всё помню. Всё чувствую. Но как будто… не своё. Как будто это чужое воспоминание.

— Это нормально. — Скет пожал плечами. — Имплант не стирает. Он отодвигает. Твоя боль, фактически, никуда не делась. Просто стала не такой явной.

Гарм медленно сел на столе. Голова кружилась. Затылок пульсировал тупой, ноющей болью. Но внутри — там, где раньше была кровоточащая рана, — было пусто. Нет, не пусто. Там была стена. А за стеной — что-то живое. Оно плакало. Но он не мог его слышать.

Он поднял руку. Коснулся затылка. Пальцы нащупали грубый шов, металл под кожей и диск импланта, мерцающий на виске.

— Что такое… Сфера? — спросил он. Голос прозвучал ровно, без надрыва — словно издалека.

— Это часть нашей культуры, — ответил Скет, отвернувшись. Он взял со стола окровавленную тряпку и начал вытирать инструменты, словно ничего необычного не произошло. — Это стандартный ритуал при каждой имплантации в новое тело. — Он резко повернул голову к Гарму, и его глаза блеснули. — Не знаю, слышит ли он нас, но это часть нашего ритуала.

— Сфера — это он? — Гарм заставил себя повернуть голову, преодолевая боль.

— Нет, Сфера — это сфера. Она не имеет пола, как время не имеет начала и конца. Лишь немногие могут слышать его призыв, голос в своей голове.

— И к чему она… он призывает?

— Тебе действительно интересно? — Скет застыл, пристально глядя на Гарма, и его красные диоды вместо глаз мигнули.

— Нет, — выдохнул Гарм. — Просто пытаюсь отвлечься от этих штырей в своём черепе.

Гарм слез со стола, выпрямился и коснулся импланта.

— Спасибо за честность. И что теперь?

Скет пожал плечами, отбросив тряпку на пол.

— Живи, работай, встречайся. Чем вы там обычно занимаетесь, мешки с костями?

Гарм кивнул. Грубо, но по факту. Хромированные пальцы Скета стучали по металлу. В клетке в углу гнила собака. А в голове у Гарма — там, где раньше жила боль, — теперь была стена. И за стеной кто-то тихо плакал.

Он не знал, что это — спасение или приговор. Он просто впервые за год смог вздохнуть полной грудью.

И в этой тишине, на самом её дне, что-то тихо, ритмично щёлкнуло. Раз. Другой.

Гарм нахмурился, прислушиваясь. Но звук исчез.

———

В конце смены Гарм сдал инструменты. Заходить в душевую не было ни сил, ни желания — он только умылся, чтобы смыть с лица и рук остатки крови и масла, забрал свою сумку и направился к лифту привычным маршрутом.

Скет обработал ему затылок и шов специальным раствором и велел не мыться в течение двух суток, чтобы избежать заражения. По истечении этого срока он обещал выдать мазь из корня фаеры, которая окончательно продезинфицирует грубые раны.

Гарм шёл медленно, голова гудела. Не от усталости, а от хирургических последствий. В затылке, под зашитой кожей, пульсировала тупая, тяжёлая боль. Скет не обманул: крепления, вогнанные прямо в кость черепа, ощущались как инородные штыри. Каждый шаг отдавался в них вибрацией, и казалось, что если он резко дёрнет головой, металл прорвёт кожу.

На прощание Скет дал Гарму пару мутных ампул с седативным средством. Он сказал: «Вколи, когда совсем невмоготу станет. Это поможет притупить физические ощущения, пока имплант окончательно не приживётся». Гарм убрал ампулы в нагрудный карман комбинезона.

У ворот лифтовой станции он увидел троих молодых фурманов из своего цеха. Имена двоих он не помнил, да и не стремился их запоминать. Но одного из них, самого молчаливого, он знал — Дар. Этот парень не любил много говорить, а просто выполнял свою работу. Гарму было непонятно, что он делает в этой компании.

Все трое проходили практику в его цехе. Это была та самая ночная смена, о которой так лестно отзывался Гарон. Они курили, прислонившись к стене, и о чём-то спорили. Увидев Гарма, один из них — пухловатый паренёк — чуть выпрямился и кивнул в его сторону.

— Гарм, привет! Ты сегодня какой-то… странный, — сказал он. — У тебя под кожей на затылке какая-то фигня торчит!

Гарм остановился. Внутри — ровно. Ни паники, ни раздражения. Только холодный расчёт: нужно ответить так, чтобы не вызвать вопросов.

— Ты о моей фигне в затылке думаешь? — сказал он ровно. — Или о том, что из-за вас сегодня чуть работа не встала?

Пацан чуть поник, пытаясь оправдываться.

— Да чего? Мы старались, Гарм! Но сам понимаешь. Гидравлика сломалась, а новых запчастей нет.

Гарм подошёл к ним. Имплант мигнул — злость прошла, но расчёт остался.

— Сегодня же ночью займётесь прессом. Узнаю, что филонили, — буду писать на вас рапорт. Всё ясно?

Второй фурман, худой парень с обожжённым ухом, хмыкнул и чуть дерзко ответил:

— Да сделаем мы сегодня твой пресс. Нормально работать будет.

Гарм оценил его холодным взглядом.

— Завтра и проверим.

———

Внутри лифта было полно народу. Обычный рабочий поток. Гарм вжался в угол, как всегда. Подошвы скользили по грязному полу. Лифт дёрнулся магнитными шасси и пошёл вверх.

С каждым метром над Нижним Яром давление менялось. Имплант реагировал на это странно: при подъёме крепления в черепе начинали тихонько звенеть, отдаваясь резью в глазах. Гарм стиснул зубы. Он чувствовал, как принятый перед выходом из подвала седатив медленно растворяется в крови, притупляя острую вспышку боли до фонового нытья.

Ярусы над Нижним Яром остались позади. Свет за окнами лифта из багрово-серого сменился полной темнотой. Впереди была базальтовая шахта длиной километра четыре. А потом — небо. Чёрное, искусственное, осыпанное звёздами и плоской луной на экране. Воздух стал менее густым. Влажным после дождя. Приус.

На каждом секторе лифт останавливался, выпуская и впуская новых людей и влажный воздух, который Гарм пытался вдохнуть полной грудью. Это был запах свободы. Запах нового дня и новой жизни.

«СЕКТОР 13»

Его сектор.

Двери в очередной раз распахнулись, и он вышел на платформу.

Здесь всё так же чавкала грязь под ногами, так же орали торговцы и пахло кислым соусом из дешёвых забегаловок. Но теперь Гарм смотрел на это другими глазами.

Мир не изменился. Изменился он сам.

Раньше он шёл по этой платформе, сгорбившись под тяжестью невидимого груза, и каждый вдох давался с трудом. Внутри него непрерывно звучал вой потери Мары.

Теперь он шёл ровно. Спина распрямилась. Он смотрел на людей и не чувствовал ни раздражения, ни тоски, ни жалости. Он просто испытывал спокойствие. Как детали на конвейере. Он знал, что любит свою дочь. Знал, что любил жену. Но это знание теперь лежало на дне разума, как сухой факт из учебника.

Чувство потери ушло. Не иссякло полностью. Просто ушло куда-то вглубь его сознания. Мара больше не казалась мёртвой. Она казалась ушедшей. Просто вышла в магазин. Скоро вернётся.

Гарм дошёл до дома. Открыл гермодверь. В квартире было тихо. Ада спала в своей комнате.

Он прошёл на кухню. Налил воды. Выпил. Поставил стакан.

Посмотрел на проекцию на стене. Мара улыбалась. Молодая, счастливая. Он смотрел на её лицо и понимал, что больше не разрывается на части. Больше нет дыры в груди. Есть стена. А за стеной — что-то живое. Оно плакало. Тихо. Обречённо. Но он не мог его слышать.

Он сел на стул. Просто сидел. Не думал. Слушал тишину. Впервые — спокойно. Без тяжести в груди.

Ада вышла из комнаты, когда за окном начал заниматься жёлтый рассвет. Она остановилась в проёме, глядя на него.

— Ты дома? — спросила она.

— А, привет, Пушинка, — ответил он. — Ты проснулась? Голос его звучал спокойно — без привычной хрипоты от усталости и груза.

— Ты… сидел здесь всю ночь? — потирая заспанный глаз, Ада привычно направилась к фильтру с водой.

— Да. Я даже как-то не заметил, как ночь прошла.

Она налила воды и двумя руками держала стакан у рта. Посмотрела на него внимательно. Искала что-то. То, что было раньше.

— Ты какой-то… другой, — сказала она, делая глоток. — У тебя голова… там что такое? Имплант?

— Да. Для работы. Инженерный, — сказал Гарм. — Чтобы лучше работалось.

Он встал, достал паёк, привычно положил на стол. Как всегда.

— Поешь. Сегодня я взял себе выходной. Сходим вечером с тобой в парк.

Ада допила воду, и её глаза едва блеснули.

— Правда?

Он присел на корточки — на уровень её глаз. Обнял. Почувствовал, как её маленькие руки сжались на его спине. Тепло. Живое.

И где-то далеко, на самом дне, за толстым стеклом, что-то дрогнуло. Боль. Настоящая. Живая. Она рвалась к нему. Кричала. Но он не мог её слышать. Только чувствовал, как она бьётся о стекло. Тихо. Обречённо.

— Теперь всё будет хорошо, — произнёс он. Голос звучал ровно. Уверенно. Как он и хотел.

А внутри, за стеклом, что-то плакало. Но он уже не мог понять, что именно.

Встал, потрепал её чёрные волосы на макушке. И прошёл мимо.

———

Ада вышла из комнаты, уже переодетая в школьную форму. Чёрная юбка, белая блузка, тёмный пиджак — стандарт для девочек из Приуса, которые ещё пытаются пробиться в высшие слои. Она была собрана и серьёзна, как маленький солдат перед смотром.

Она подошла к рюкзаку, проверила, на месте ли планшеты, и застегнула молнию.

— Я готова, — сказала она.

Гарм встал с кровати и подошёл к ней. Окинул её рюкзак взглядом — механически, привычно, будто проверял станок перед запуском. Учебные планшеты, тетради, пенал. Вроде всё на месте.

Он достал из кармана несколько монет — физические коинты, которые всегда носил с собой, — и вложил их в её ладонь.

— Держи, Пушинка. Купишь что-нибудь поесть в столовой. Или в автомате. Не трать на газировку. Сама знаешь.

Ада кивнула и сжала монеты в кулаке. Гарм улыбнулся. Как можно нежнее — так, как учил себя.

Она смотрела на него снизу вверх. Её глаза всё ещё искали в его лице что-то. Тепло. Грусть. Ту, к которой она привыкла за этот год. Ту морщинку у глаз, которая появлялась, когда он смотрел на неё раньше.

Она не нашла. Но она понимала: это лучшее, что было за последний год. Отец больше не убивается горем и не мчится на работу, чтобы отвлечься от самобичевания.

— Хорошо, пап.

Она поднялась на цыпочки и поцеловала его в щетинистую щёку. Привычное, ритуальное движение. Гарм почувствовал прикосновение её губ — и это было самым важным в его жизни. Это был его ритуал с дочерью, которого он так давно ждал. Где-то далеко, за стеклом, в груди, что-то дёрнулось. И снова затихло.

— Всё, я ушла, — сказала она. — Сегодня урок по минералогии. Будут рассказывать про Синапс. Хочу послушать, — увлечённо залепетала она. Потом улыбнулась по-детски и шагнула за порог.

Гарм нажал на сенсор. Дверь с пшиком отъехала в сторону. Он проводил её взглядом до лестницы. Дверь закрылась обратно.

В квартире стало тихо.

Гарм вернулся в свою комнату. Не стал ничего убирать. Не включил свет. Просто лёг на кровать, поверх смятого одеяла, уставившись в трещину на потолке. Тихо. Мирно. Спокойно.

Вдруг за левым ухом, в гнезде связного чипа, раздался резкий, сухой щелчок. А за ним — приятный, обволакивающий звуковой сигнал, который корпорация считала «не вызывающим стресса».

Перед левым глазом развернулся мерцающий голубоватый интерфейс. Буквы повисли в воздухе. Со стороны это выглядело почти незаметно — маленький мерцающий экран перед глазом, как очки. Сам же Гарм видел перед собой почти целый красочный экран с эффектом объёмной проекции.

Сообщение: +1

Телла: Ты взял себе выходной?

Гарм моргнул. Рефлекс. Слёзная железа выделила влагу, смывая пыль, которой в воздухе Приуса всегда было в избытке. Он смотрел на текст. В голове не было привычной тоскливой тяжести, которая обычно давила на глазные яблоки. Только лёгкое удивление. Телла редко писала в личные каналы. Обычно она использовала общий цеховой чат.

Пальцы сами собой легли на край одеяла. Он почувствовал шершавость синтетической ткани и плохо обрезанную нить. Старая привычка — искать опору, когда разговор становится личным. Но привычного спазма в желудке не последовало. Только где-то за стеклом что-то шевельнулось. И затихло.

— Здравствуй, Телла. Да, сегодня с дочерью хочу сходить в парк на первом секторе. Она давно просилась, — отправил он мысленную команду. Челюсть сама собой пришла в движение, имитируя артикуляцию, хотя слова рождались в затылочной доле.

Телла: Поняла. Может, мне тоже к вам присоединиться? Тоже давно не выбиралась никуда. Так хоть развеюсь.

Гарм чуть нахмурился. Мышцы лба сократились, собрав кожу у переносицы, — чисто механическая реакция на сложный социальный запрос. Он знал, что она к нему неровно дышит. Знал по тому, как она задерживает взгляд на планёрках, как слишком близко подходит, передавая планшет. Он знал это так же точно, как знал калибровку седьмого станка.

И он знал: сейчас, с этой стеной внутри, он вряд ли сможет дать ей то, что нужно живому человеку. Нельзя дать тепло, если внутри тебя — криогенная камера.

— Я тебе так нравлюсь? — прямо отправил он.

В старой жизни он бы, наверное, отвёл глаза. Или попытался смягчить вопрос дежурной шуткой про «инженерный интерес». Сейчас просто спросил. Без подтекста.

Повисла пауза. Интерфейс мигнул. Собеседник печатал. Секунда. Две. Текст исчез. Снова появился.

Телла: Наверное, дело даже не в этом. Ты просто хороший, заботливый. Но о тебе заботиться уже некому.

Он смотрел на эти слова. И чувствовал, как где-то там, за стеклом, что-то сжалось. Больно. По-настоящему. Живо.

Он хотел ответить. Хотел написать: «Ты права. Мне больно. Я хочу, чтобы кто-то обо мне заботился». Но пальцы не слушались. Или это не пальцы. Это стена. Она не давала словам пройти.

— Я в порядке, — написал он. — Правда.

И это была ложь. Но не потому, что он хотел соврать. А потому, что не мог сказать правду. Стена не пускала.

Телла: Прости. Не хотела задевать за живое.

Гарм выдохнул. Межрёберные мышцы сократились, выталкивая воздух. Он поднялся с кровати. Суставы чуть хрустнули — он пролежал в одной позе слишком долго.

Он прошёл на кухню. Внутри был голод. Не привычный, зверский, грызущий фурманов после смены, а ровный, фоновый запрос организма на топливо. Базовая потребность. Как потребность в смазке для станка.

Он достал из шкафчика паёк. Пальцы нащупали холодный, скользкий пластик упаковки. Рванули фольгу. В нос ударил резкий химический запах синтетической клубники и протеина — запах дешёвой казармы и больничной столовой. Он выдавил серую массу в рот. Желудок рефлекторно дёрнулся, принимая еду. Проглотил, почти не жуя. Горло дёрнулось, проталкивая ком.

— Нет, всё хорошо, — произнёс он вслух. Голосовые связки вибрировали. — Имплант хорошо глушит боль.

Он сказал это не как оправдание. Просто констатация. Как «на улице идёт дождь».

— Ты можешь пойти с нами, если хочешь.

Ответ пришёл почти сразу.

Телла: Я рада, что ты себя чувствуешь лучше. Во сколько?

— В 18:00 в парке.

Телла: Договорились.

Интерфейс схлопнулся с тихим стеклянным звоном. Гарм доел паёк. Механически выбросил пустую упаковку в утилизатор. Та зашипела, уходя в дробилку.

Он вернулся в комнату. Не стал включать свет — в этом не было нужды, глаза отлично видели в полумраке. Лёг на кровать. Закрыл глаза.

Сначала он слушал тишину. Но тишины не было. Он слушал своё тело. Пульс. Сердце. Кровь, которая медленно и лениво двигалась по венам. Он пытался найти в этом смысл. Хоть какой-то.

Но смыслом оказался лишь ритм, который отстукивал имплант.

Крепления в кости черепа, вживлённые Скетом, отдавали тупой пульсирующей болью. А сквозь эту боль пробивался шёпот. Тихий, как эхо в пустой цистерне.

Он не был словами в человеческом понимании. Скорее, это были вспышки данных, бинарные коды и обрывки частот. На их фоне раздавалось тихое, ритмичное повторение:

«…Тот…»

«…Я… Тот…»

Это звучало в голове.

«Тот» звучало не как местоимение, а как имя. Как будто кто-то внутри его головы представлялся… Или делал вид, что представляется. Но позже в голове, словно запись, появился шёпот, похожий на убаюкивающую колыбельную. Тихий и спокойный:

«…Отсекаю разум. Эта часть кода принадлежит тебе. Твоё тело — это биологический резерв, в котором душа ожидает своего бессмертия. Ты чист. Ты — в шаге к бесконечному. Ты отсёк то, что делало тебя слабым. Отсёк боль. Отсёк страх. Отсёк тоску. Сделал себя чистым. Сделал себя… правильным…»

Гарм лежал, закрыв глаза, и слушал это.

Мара.

Её лицо на миг промелькнуло в памяти. В сердце стукнуло. Гарм раскрыл глаза. Но лишь на секунду. Имплант заглушил чувство потери. Он отрезал боль, страх, тоску по человеку, которого уже нет. Но он не отрезал способность воспринимать. И сейчас Гарм воспринимал этот шёпот не как угрозу или вторжение.

Он воспринимал его как музыку.

Как тихую молитву.

Как что-то убаюкивающее.

Как голос Мары.

В этом ритмичном шёпоте не было боли. Не было требований. Не было приказов. Только констатация. Видит. Ждёт.

И где-то там, на самом дне, за толстым стеклом, его настоящее «я» — тот, который всё ещё любил Мару, всё ещё боялся за Аду, всё ещё хотел жить, — бился о стену. Кричал. Плакал.

Но Гарм его не слышал. Он слышал только шёпот.

И шёпот был спокойным. И правильным. И он убаюкивал.

Гарм закрыл глаза. Дыхание выровнялось. Впервые за год он не думал о том, как выжить. Не думал о деньгах, о работе, о том, как быть хорошим отцом.

Он просто слушал голос в своей голове.

А где-то там, за стеклом, его настоящее «я» всё ещё плакало. Тихо. Обречённо. И никто его не слышал.

Глава 3. «ул. Светлая 2»

Автоматизированное такси бесшумно скользило по магнитной полосе, унося их от серых, пропахших машинным маслом жилых блоков тринадцатого сектора в сторону зелёной зоны.

Зелёная зона находилась на тридцатом секторе — у самой поверхности коры, прямо под пластом Верхнего Яра. Это был самый живописный сектор Приуса; живописнее были только сады Поднебесья. Гарм часто водил сюда Аду, как только выдавалось свободное время. Пока не стало Мары.

Автотакси через несколько поворотов и перекрёстков доехало до края платформы тринадцатого сектора. Дальше шла укреплённая породой магистраль, которая тянулась вокруг Приуса по спирали, соединяясь с каждым сектором и уходя вверх и вниз.

Автотакси дождалось разрешающего знака, и поток направился к повороту.

Ада сидела у окна, прижавшись лбом к прохладному стеклу. За окном мелькали тусклые огни, вывески дешёвых лавок и бесконечные стены из армированного креолита. Она смотрела на своё отражение в стекле и что-то рисовала там пальцем — девочку в чистом платье, с аккуратно заплетёнными волосами — и улыбалась.

Гарм сидел рядом. Он чувствовал лёгкую вибрацию сиденья, слышал тихое гудение двигателя. Голова ещё немного гудела после вчерашнего, в затылке тупо ныло от вживлённых креплений, но это была просто физика, обычный дискомфорт. Внутри было ровно. Не пусто. Просто спокойно. Имплант встал, как нужно, и работал, как надо, — подавляя чувство потери.

Он смотрел на дочь. И понимал, что любит её. Это чувство никуда не делось. Оно просто стало ровным. Как ламинарный поток. Вода есть, она течёт — но ровно, не пульсируя и не перемешиваясь.

— Пап, — повернулась к нему Ада. В её голосе звенело неприкрытое счастье. — А Телла — это твоя подружка?

— Ну, вроде того, — ответил Гарм. И на его губах появилась лёгкая, усталая улыбка. — Она будет ждать нас у входа.

— Мы так давно не были в парке! — Ада чуть подпрыгнула на сиденье. — Там же есть настоящие деревья? Ну, почти настоящие. И фонтан. И, говорят, в этом сезоне поставили новые качели.

— Помню, ты говорила, — сказал он. Голос звучал ровно, но без металлического холода. Просто голос уставшего отца. — Посмотрим на качели.

Ада снова отвернулась к окну, предвкушая вечер.

Через час такси мягко затормозило на станции парка «Зелёная Аллея». Двери с шипением поднялись. Воздух здесь был другим — фильтрованным, с примесью озона и запахом влажной земли.

— Это он! — Ада выпрыгнула из машины первой. Перед ними распахнулся изнутри мерцающий огоньками парк. Воздух пах свежим, почти живым ароматом хвои и листьев. Хоть парк и находился в подземном городе, он освещался ярким дневным светом и автоматически поддерживался ежедневными поливами и внесением нужных удобрений.

Они неторопливо прошлись по широкой аллее, обрамлённой аккуратными кустами. В будний день людей было немного — лишь изредка мимо проходили одинокие прохожие или пары. Жители Приуса чаще предпочитали другой вид отдыха: многие заглядывали в местный бар, где можно было расслабиться в уютной атмосфере, заказать бокал пива или чашечку ароматного кофе и ненадолго забыть о повседневных заботах.

На невысокой металлической скамейке сидела Телла. На ней было простое серое платье, а волосы, обычно собранные в тугой пучок, сегодня спадали на плечи. Она смотрела в планшет

и выглядела непривычно расслабленной — ритмично покачивала ногами, как дети, когда ждут чего-то интересного, и не замечала приближения Гарма и Ады.

— Привет. — Гарм подошёл первым. За спиной стояла Ада. Она с любопытством разглядывала Теллу.

Телла вздрогнула, подняла голову, и на её лице отразилось искреннее, почти наивное замешательство. Она поспешно убрала планшет и встала.

— Ой! — Она улыбнулась, поправляя платье. — Вы уже здесь. Здравствуй, Ада.

— Здравствуйте. — Ада чуть заскромничала, но изо всех сил старалась не подавать виду.

Гарм глянул в сторону входа в парк. Его имплант мигнул.

— Пойдём? — сказал Гарм.

— Да, конечно. — Телла замешкалась. — Я просто тут с этим транзитом всё разбиралась. Зачиталась немного в отчётах.

Они направились ко входу. Ада побежала вперёд.

— Давай хоть сегодня не о работе? — Он посмотрел на неё. Её улыбка стала мягче, когда она увидела его лицо: он выглядел спокойнее, чем на заводе.

— Да, конечно. Я рада, что мы... что вы выбрались.

Они двинулись по главной аллее парка. Ада, воодушевившись, шла впереди, иногда останавливалась и указывала на разные диковинки: то на рыбок в ручье, то на голографические фонари, изображающие светлячков.

Телла шла рядом с Гармом. Она болтала, пытаясь заполнить паузу.

— Я, вообще-то, давно хотела посмотреть на новые водопады. В Верхнем секторе, говорят, установили систему очистки, теперь там вода с подсветкой. Ну, почти как настоящая. Мы с мамой когда-то ездили туда. Копили месяцами, чтобы купить билеты. Тогда это казалось настоящим путешествием.

Гарм слушал её. Он не чувствовал раздражения. Наоборот, её голос был ему даже приятен.

— Куда бы ты хотела отправиться, если бы была возможность? — спросил он.

— Ой... — задумалась Телла. — Наверное, наверх. В Поднебесный Помпей. Хоть на денёк. Говорят, там небо не из экранов, а настоящее. И воздух пахнет иначе. Но, да, дорого.

— Это да, — согласился Гарм. Он взглянул наверх, на купол парка. — Мне тоже хотелось бы посмотреть на настоящий воздух. Может, однажды.

Телла бросила на него быстрый взгляд. В её глазах промелькнула грусть. Она знала, что он говорит это без прежней тоски. Просто как факт. Но это было лучше, чем то, как он выглядел раньше, — с этим мёртвым, выжженным взглядом.

Ада подбежала к ним, раскрасневшаяся от бега и счастливая.

— Пап, а правда, что в Поднебесье есть настоящие деревья, которые растут в земле, а не в гидропонике?

— Правда, — ответил Гарм. Он протянул руку и легко потрепал её по макушке. — Может, когда ты сдашь экзамены, мы обязательно туда сходим. Говорят, для детей из Приуса иногда выделяют особые места.

Глаза Ады загорелись.

— Здорово!

Она убежала вперёд, к лотку с синтетической сладкой ватой. Телла шла рядом с Гармом, держа руки в карманах лёгкой куртки. В парке было тихо, искусственный закат на куполе медленно переходил в мягкие сумерки.

— Ты знаешь, — тихо сказала Телла, глядя на спину Ады. — Ты выглядишь... лучше. Спокойнее. Раньше мне казалось, что ты вот-вот сломаешься пополам.

Гарм посмотрел на неё. Имплант в затылке тихо гудел, отсекая острые углы реальности. Он знал, что должен сказать спасибо. Знал, что она заслуживает тепла.

— Это всё имплант, — честно ответил он. — Я больше не чувствую той боли. Она... притупилась. Я знаю, что Мара мертва. Но это больше не разрывает меня на части каждый раз, когда я просыпаюсь.

Телла кивнула. В её глазах мелькнуло что-то острое — вина? страх? — но она быстро опустила взгляд.

— Я рада, Гарм. Правда, рада. Ты заслужил немного покоя.

И в этот момент в его связном чипе за ухом раздался резкий, пронзительный сигнал оповещения.

Перед левым глазом развернулся экран.

———

ЧП
МЕХАНИЧЕСКИЙ ЦЕХ 17, ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПРЕСС 4.
ДВОЕ ПОГИБШИХ. МЕХАНИКИ 2 УР.
ТРЕБУЕТСЯ СРОЧНЫЙ РЕМОНТ.

———

Гарм остановился. Улыбка медленно сползла с его лица.

— Что-то случилось? — спросила Телла, заметив перемену.

Гарм смотрел на мигающий текст. Внутри него боролись два импульса. Первый — инстинкт рабочего, привыкшего, что работа важнее всего. Второй — тихий голос, который говорил: «Ты обещал ей. Ты обещал Аде. У тебя выходной».

— Промышленный пресс. Двое погибших. Те самые молодые механики.

Телла чуть побледнела. Молодые, неопытные, только с колледжа — и уже на табличке памяти возле завода.

— Такие молодые... — прошептала она.

— И неопытные, — сказал Гарм.

Он повернулся и посмотрел на дочь. Ада стояла у лотка, расплачивалась за сладкую вату монетами, которые он ей дал, и счастливо улыбалась. Она была счастлива. Счастлива здесь и сейчас. С ним. И это пугало больше, чем тоска. Её детская радость перешагивала все границы происходящего. Смерть мамы, суета в школе, серые дни Приуса — и она, светлая. Светлее, чем два солнца Геонны.

Гарм поднял руку и нажал на сенсор за ухом, сбрасывая сообщение. Экран погас.

— На сегодня тревожных новостей достаточно, — сказал он ровно.

Телла смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Ты... не пойдёшь? — тихо спросила она. — Это же ЧП. Производственный пресс. Ребята погибли.

— Я инженер-механик, а не некромант, — ответил Гарм. — Я умею только оживлять машины, а не людей. А сам пресс подождёт до завтра. Я нужен тут.

Он кивнул в сторону Ады. Телла приоткрыла рот, словно хотела что-то сказать, но промолчала.

Они продолжили прогулку. Гарм купил Аде сладкую вату, они дошли до озера, посмотрели на новых рыбок, выведенных по образцу с Терры, покатались на качелях. Ада смеялась так громко, что прохожие оборачивались. Гарм смотрел на неё и чувствовал, как внутри, под слоем стерильной тишины, что-то отзывается. Тёплое. Человеческое.

Он сделал для себя правильный выбор.

Но когда они возвращались к выходу из парка, его чип снова пискнул. Уже не тревогой. Голосовым сообщением.

Диспетчерская: Гарм, ты нужен в цеху. Я знаю, что у тебя выходной. Тут поломка и... Двое погибших. Твоя смена завтра с утра. Если готов, сообщи. Мы закроем тебе двойную ставку.

———

— Сира, возьмите домой эти багеты, они были очень вкусными, — раздался искажённый мужской голос в голове Гарма.

— Хорошо, дорогой. Вы отвели сына в школу?

— Да, он уже...

Гарм встряхнул головой, и голоса исчезли. Он осознал, что случайно перехватил чей-то сигнал. Это было странно: Скет предупреждал его об усилении, но не о перехвате. Возможно, не все боевые интерфейсы были отключены?

Придя в себя, он направился не к выходу из парка и не к такси, которое уже сигналило жёлтым огоньком на стоянке. Он подошёл к Аде.

— Пойдём, — произнёс он. — Проводим Теллу и отправимся домой.

Ада подняла на него глаза. Счастливые. Раскрасневшиеся от бега. Она кивнула и взяла его за руку. Маленькая ладонь утонула в его широкой шершавой ладони.

Телла стояла у машины. Смотрела на них. И в её глазах было что-то такое, от чего Гарм на секунду отвёл взгляд. Что-то, что было очень похоже на надежду. И на страх.

— Я... — начала она, когда они подошли. — Я, наверное, пойду.

— Мы тебя проводим, — сказал Гарм.

— Не надо. — Она покачала головой. Слишком быстро. — Такси довезёт. Не тратьте время.

Она говорила ровно. Но голос чуть дрожал. Гарм слышал это. Раньше он бы почувствовал, как от этого дрожания сжимается что-то в груди. Сейчас он просто отметил: голос дрожит. Факт. Ничего больше.

— Хорошо, — сказал он.

Телла открыла дверь машины. И вдруг остановилась. Обернулась.

— Гарм, я... — Она снова замолчала. Посмотрела на Аду. Потом на него. — Я хотела сказать... Если что-то случится. Если тебе будет нужно. Я рядом. Правда.

Он кивнул.

— Спасибо, Телла. Я это ценю.

Она улыбнулась. Глянула на Аду. Ада внимательно смотрела на Теллу — словно изучала её. Телла села в машину. Дверь закрылась тихим гидравлическим звуком. Такси отъехало, растворившись в потоке огней.

Ада стояла рядом, сжимая в руке палочку от сладкой ваты. Смотрела вслед машине. Потом подняла голову. И посмотрела на него. Внимательно. Так, как смотрят дети, когда хотят спросить о чём-то важном, но не знают, как начать.

— Пап, — тихо сказала она. — А Телла... Она тоже там же, где работала мама?

Имплант пискнул, выдав синее свечение. Вопрос буром впился в голову.

Гарм повернулся к ней. Посмотрел на её лицо. На то, как она сжимает палочку от ваты. На то, как смотрит — прямо, не отводя глаз. Она знала ответ. Но хотела услышать его от него.

— Мамы больше нет, — сказал он. Не как напоминание — скорее, как проверку. Он искал на её лице хоть каплю эмоций. Но она лишь вздохнула.

— Я знаю, — ответила она. — Я до сих пор по ней скучаю.

— Правда? — Гарм удивился. Ему казалось, что Ада вообще не воспринимает смерть матери. Что ей как будто всё равно. Но... это защитная реакция? Или что-то ещё? Он смотрел на неё и не понимал. Она была ребёнком. Двенадцать лет. Она должна была плакать. Кричать. Бояться. Но она стояла и говорила с ним о смерти матери так, как говорят о погоде.

— Правда-правда. Помнишь, ты мне как-то сказал, что все мы уходим?

— «...Кто-то раньше, кто-то позже...» — повторил он вслух.

— Ага. — Она кивнула. — Я тогда испугалась. Очень. Но потом подумала: если все уходят, значит, и я уйду. Когда-нибудь. И это не страшно. Страшно — это когда все уходят и

оставляют тебя одну. — Она замолчала. Посмотрела на него. — Я привыкла, что тебя нет, пап. Но я знаю, что ты есть. Но когда ты уйдёшь, я не хочу остаться одна, пап.

Гарм молчал. Внутри что-то стукнуло. Что-то за его внутренней стеной. Отчаянно. Живо. Но он не мог до этого дотянуться.

— Обещай, — сказала Ада. — Если ты уйдёшь раньше, ты не оставишь меня одну. Ладно?

Она смотрела на него снизу вверх. И в её глазах не было страха. Только тихая, взрослая печаль. Как будто она уже знала, что он уйдёт. И просила только об одном: чтобы он не исчез бесследно.

Гарм смотрел на неё. На её лицо. На её глаза. На то, как она ждёт ответа. И где-то там, за стеной, что-то сжалось. Больно. По-настоящему.

Он хотел сказать: «Я не уйду». Хотел соврать. Хотел утешить. Но стена не пускала. Она стояла между ним и словами. Между ним и чувствами. Между ним и дочерью.

— Обещаю, — сказал он наконец. — Ты не останешься одна. Даже если я уйду.

Ада кивнула. Как взрослая. Как будто поняла больше, чем он хотел ей сказать.

Она взяла его за руку, и они молча направились к стоянке такси. Они были вдвоём, под искусственным небом Приуса, которое никогда не видело настоящих звёзд.

А где-то за стеной его истинное «я» всё ещё плакало. Тихо и обречённо. И никто не слышал его.

Они поймали такси на той же стоянке. Сели. Уже вечер. Искусственное небо показывало первые звёзды и плоскую луну — проекция, но всё же красивая. Промчавшись через несколько кварталов, они свернули на магистраль, спускающуюся вниз по секторам.

Ада сидела у окна и смотрела на мерцающие искусственные звёзды. Гарм сидел рядом и изредка смотрел на неё. Его имплант тихо блестел в свете уличных огней — синеватый огонёк на виске. Сегодня был их лучший день за последний год после смерти Мары.

Они добрались домой примерно за тридцать минут. Машин на трассе в это время было мало: час-пик закончился, а ночь, когда обычно разъезжают рейдеры, ещё не началась. Магистраль петляла между секторами, спускаясь всё ниже, и огни за окном становились тусклее, пока не превратились в редкие красные точки аварийных ламп.

Ада успела уснуть на его плече. Гарм не стал её будить. Он оплатил поездку на терминале автотакси, подхватил её на руки — она была лёгкой, почти невесомой — и понёс к подъезду.

Гермодверь их квартиры открылась с тихим шипением. Он прошёл по коридору, зашёл в её комнату и осторожно уложил Аду на кровать.

Комната Ады была единственным местом в квартире, где ещё оставалась жизнь. Разноцветные ночники — зелёный, фиолетовый, жёлтый — бросали мягкие пятна света на стены. В углу стоял письменный стол с моноблоком со встроенным экраном. Монитор был тёмным, рядом лежали её планшеты, пенал с потёртыми углами, листки бумаги из вторсырья. На полке над столом — несколько планшетов с книгами, которые она перечитывала, и маленькая фигурка бабочки из дешёвого пластика. Гарм подарил её Аде на день рождения, когда ей было семь. Мара тогда смеялась: «Бабочка для девочки, которая родилась в Приусе. Символично».

На стене — рисунки. Детские, цветные, нарисованные на той же бумаге, приклеенные скотчем. На одном — два солнца. Настоящие: одно оранжевое, другое жёлтое, с лучами. Хотя Ада никогда не видела настоящих солнц. На другом — три фигурки: большая, средняя и маленькая. Мара, Гарм и Ада. Держатся за руки.

Гарм укрыл её одеялом. Нежно, как только мог. Убрал прядь волос с её лица. И остался сидеть на краю кровати, не отрывая от неё глаз.

В комнате было тихо. Только ровное дыхание Ады и далёкий гул вентиляции где-то в стенах.

«Не оставь меня одну, когда уйдёшь».

Эти слова бились в его голове. Бились о внутреннюю стену. Он слышал их. Знал, что они там. Но не мог до них дотянуться. И где-то за стеклом его настоящее «я» снова плакало. Тихо. Обречённо.

Кроме него у Ады никого не осталось в этом мире. Ни бабушек, ни дедушек. Ни тёток, ни дядь. Только он. И он уже её оставлял. Каждый день. Каждую ночь. Каждое утро, когда уходил на смену. Он оставлял её одну в этой квартире с ночниками и рисунками на стенах. И он знал, что однажды оставит её навсегда.

Внезапно в затылке раздалась резкая боль. Имплант вспыхнул — ярко, обжигающе. Как будто кто-то воткнул в череп раскалённую спицу. Гарм дёрнулся. Сжал зубы. Боль пульсировала, растекалась по голове, отдавалась в глазах, в челюсти.

Он судорожно полез в карман куртки. Пальцы нащупали мутную ампулу с седативом — ту самую, что дал Скет. Он вытащил её, зубами сорвал колпачок и высыпал содержимое в рот, не запивая. Горько. Холодно. Он даже не почувствовал вкуса.

Боль начала отступать. Медленно. Неохотно. Как зверь, которого отгоняют от добычи.

Но вместе с болью пришло что-то ещё. Тяжёлое. Тёмное. Как будто стена внутри него на секунду стала тоньше — и он услышал то, что было за ней.

Плач.

Тихий. Отчаянный. Его собственный.

Гарм покачнулся. Сознание поплыло. Он попытался ухватиться за край кровати, но пальцы соскользнули. Он осел на пол, уткнувшись лбом в одеяло Ады. Глаза закрылись сами собой.

Последнее, что он увидел, — детский рисунок солнца над куполом, освещённый жёлтым ночником. И где-то в глубине его сознания, за стеной, которая снова стала толстой и непробиваемой, что-то прошептало:

«…Теперь мы едины…»

А потом всё стало чёрным.

Глава 4. «Под Прессом»

— Пап, ты чего? — Ада проснулась под утро, перед школой. И увидела отца в ногах.

Он лежал, скорчившись, на самом краю её кровати. Спал. Имплант мерцал — тускло, синеватым огоньком, как дежурный диод. Простыня была залита кровью. За ночь она просочилась из его головы, пропитала ткань, растеклась тёмным, почти чёрным пятном, и теперь, когда Ада откинула одеяло, кровь уже начала подсыхать, стягиваясь по краям в тонкую бурую корку.

В комнате пахло железом. Резко. Солёно. Этот запах перебивал даже сладковатый аромат ночников — синтетических, с добавкой лаванды. Ада поморщилась. Она знала этот запах. Так пахло, когда отец возвращался с завода, если на смене что-то случалось. Но здесь, в её комнате, среди разноцветных огоньков и рисунков на стенах, этот запах был неправильным. Чужим.

Гарм проснулся. Устало. Медленно. Он выспался — впервые за долгое время. Голова была пустой и лёгкой, как после долгого сна без сновидений. Но что-то в этой лёгкости было не так. Слишком тихо. Слишком пусто.

Он открыл глаза и увидел Аду. Она лежала перед ним, смотрела на него вопросительно. Настороженно.

— Доброе утро, милая, — сказал он, чуть потягиваясь. Голос прозвучал хрипло, но ровно. — Прости, уснул. Устал сильно.

— Что за... Тот? — тихо сказала она.

— Что?

— Ты говорил это слово. Ночью. Во сне. — Она нахмурилась. — Что это?

— Не знаю, — сказал он.

Но где-то за стеной, на самом дне, что-то шевельнулось. Слабо. Как эхо. Как будто слово «Тот» было не просто звуком. Как будто оно было ключом. К чему-то. К чему-то, что он пока не мог вспомнить.

Ада взглянула на кровь. Гарм тоже. Он поднял руку и ощупал имплант. Пальцы наткнулись на шершавую, сухую корку. Кровь запеклась вокруг шва, забилась в стыки металла и кожи, оставила бурые разводы на виске. Он провёл ногтем по краю — корка откололась, упала на простыню мелкой бурой крошкой.

— Прости, — сказал он. — Рана ещё не зажила. Я отнесу в стирку, и будем собираться в школу.

— Тебе не на работу?

— Подождут, — ответил он, вставая. Голова была невесомой от седатива. Он чувствовал, как кровь приливает к ногам, как покалывает в пальцах. — Провожу тебя и отправлюсь, хорошо?

Ада заулыбалась. Улыбка вышла робкой, но искренней. Она соскользнула с кровати, поправила мятую юбку, которую так и не сняла.

— Хорошо, пап. Я приготовлю нам чай.

Она выбежала из комнаты. Босиком. Пятки шлёпали по холодному полу.

Гарм встал следом. Сгрёб постельное бельё — простыню, наволочку, — и ткань скользнула в руках, влажная, тяжёлая. Кровь уже начала подсыхать, становилась бурой. Как ржавчина. Как что-то, что уже не отмыть. Он скатал бельё в ком, прижал к груди и понёс к стиральной машине.

На кухне уже шипел синтезатор. Ада стояла у стола, насыпала в кружки порошок — синтетический чай с ароматом мяты и чего-то ещё, искусственного, но приятного. Свет из экранных сот на потолке пробивался сквозь окно с жалюзями, тусклый, серо-голубой. Утренний. Фальшивый. Но всё же свет.

Гарм загрузил бельё в машину. Закрыл крышку. Нажал кнопку. Машина загудела — тихо, ровно. Он постоял секунду, глядя на вращающийся барабан. На бурые разводы, которые медленно растворялись в мыльной воде.

А потом вернулся на кухню. Сел за стол. И взял кружку с чаем из рук дочери.

— Вчера был такой классный вечер, пап! Давай ещё куда-нибудь сходим?

Гарм отхлебнул чаю. Тёплый. Сладкий. Синтетическая мята оседала на языке, оставляла лёгкое жжение. Он кивнул.

— Обязательно сходим. Возьму ещё один выходной и свожу тебя в кино.

— Фильмы, которые делает искусственный интеллект? — Она чуть поморщилась.

В фильмах, которые полностью генерировались нейросетью, было слишком много пластика. Слишком много рваных сцен, нестыковок, пустых диалогов. Их делали для развлечения, а не для смысла. Настоящие фильмы, снятые в Поднебесном Помпее, стоили в кинотеатрах дороже, но были качественнее. С глубоким сюжетом. С живыми актёрами. Даже мультфильмы, которые там создавались художниками-аниматорами с помощью нейросетей, были отшлифованы до блеска. И имели чёткий смысл.

— Постараюсь взять на настоящий, — сказал Гарм.

— А Телла будет? — Ада суетилась по кухне, как настоящая хозяйка. Открывала шкафчики, доставала печенье, ставила на стол. Синтетическое, но с настоящим запахом — ваниль и что-то ещё, сладкое. — Она странная.

— Странная?

— Ага. — Ада закивала. — Она смотрит на тебя, как на... — Она остановилась с печеньями в руках, задумалась, подбирая слова. Брови нахмурились. Совсем как у Мары, когда та пыталась понять что-то важное. — Ну, не знаю.

— Как мама? — Гарм попытался угадать. Улыбнулся.

— Неее, — протянула она. — Как мой репетитор.

— Как это?

— Не знаю. Странная она. Но, кажется, хорошая.

Гарм не понял, что она имеет в виду. Но не стал расспрашивать. Просто кивнул. Может, Телла действительно смотрит на него, как на работу. Как на проект. Как на что-то, что нужно исправить. Или всё же как на мужчину, который её интересует. Он быстро отбросил эти мысли. Слишком сложно. Слишком глубоко. А ему сейчас не хотелось копать.

Они допили чай. Кружки опустели, оставив на дне бурый осадок.

— Теперь надо собираться в школу, — сказал Гарм, поднимаясь.

Ада соскочила со стула. Побежала в свою комнату. Он слышал, как она открывает шкаф, как шуршит одеждой, как что-то бормочет себе под нос. Утро продолжалось. Обычное. Тёплое. Живое.

Он собрал кружки, поставил в утилизатор. Глянул на стиральную машину — барабан всё ещё вращался, вода в нём была мутной, бурой. Кровь уходила. Медленно. Но уходила.

Гарм отвернулся. И пошёл собираться.

———

Спустившись в Нижний Яр, Гарм ещё на подходе услышал визг дронов-клепальщиков. У входа в цех, в тусклом жёлтом свете аварийных ламп, кружили три матово-серые машины. Они держали в манипуляторах новую креолитовую табличку — ещё тёплую, с запахом свежего камня и машинного масла, — и прикручивали её к стене над старыми именами. Болты входили в креолит с сухим, хрустящим звуком, от которого ныли зубы.

Пано Гарол. 3995–4013. Долг. Память.

Рино Гаркович. 3994–4013. Долг. Память.

Пао стоял тут же. Начальник цеха — красный, толстый, потный, с планшетом в руках и в круглых, дорогих очках. Увидев Гарма, он дёрнулся навстречу, как пёс на цепи.

— Гарм! Эти двое мне станок угрохали! Понимаешь? — Он ткнул планшетом в сторону цеха. — Ты где был? Почему вчера не вышел?

Гарм прошёл мимо, не сбавляя шага. Запах Пао — пот, дорогой дарий, кислый страх — ударил в нос.

— Я был занят, Пао.

— Ты был занят! — Пао семенил следом, забегая то с одного бока, то с другого. — А из-за тебя тут двоих не стало!

Гарм остановился. Стянул респиратор. Развернулся. Медленно. Пао отшатнулся.

— Не нужно вешать их смерти на меня, — сказал Гарм. Голос прозвучал ровно, но в нём была та самая холодная тяжесть, от которой у Пао подкосились колени. — Я не в ответе за то, что они делали. Это их работа. Нужно чётко соблюдать охрану труда, а не лезть туда, где тебе не под силу.

— Но ты же понимаешь, — Пао понизил голос, заискивающе заглянул в глаза, — что ты единственный нормальный техник в нашем цеху.

— Вот именно, — ответил Гарм. — Единственный. Гарона заставляешь делать всю свою грязную работу, а на меня вешаешь всё, что можно! В том году присылали отличных специалистов. И где они теперь? Правильно! Ты от них отказался. Но не потому, что штат полный, а потому что твоя жадность в экономии посчитала, что всё можно возложить на плечи одного инженера. А по документам платить как троим. Эти два сорванца... — Гарм кивнул на свежую табличку, — сколько ты им платил? Треть ставки как практикантам? А в отчётах писал полную? Разницу в карман?

Пао осёкся. Перешёл на шёпот. Его глаза забегали по сторонам — не смотрит ли кто. Руки, сжимавшие планшет, побелели.

— Ты потише. За языком-то следи. Иначе...

— Что иначе? — Гарм чуть наклонил голову. — Уволишь?

Пао замолчал. Губы сжались в тонкую линию. Он хотел что-то сказать. Но не сказал.

— Так я и думал, — развернулся Гарм.

Он сделал несколько шагов. Остановился. Повернул голову к знакомой табличке — той, что была чуть в стороне, под слоем копоти и креолитной пыли. Он подошёл. Тряпка сама легла в руку — старая, промасленная, с запахом солярки. Он провёл по холодному металлу. Копоть поддалась, оставила на тряпке чёрный след. Табличка блеснула. Холодный, отражающий свет.

— Здравствуй, Мара, — сказал он ровно. — Я вернулся. Мы вчера с Адой провели отличный вечер. — Он помолчал. Пальцы задержались на краю таблички, на букве «М». — Она смеялась. Много. На качелях каталась. Сладкую вату ела. Всё как ты любила.

Он чуть улыбнулся — уголками губ, почти незаметно. Потом убрал руку. И направился ко входу в цех.

Пао остался стоять у стены. Планшет в его руках дрогнул. Дроны-клепальщики закончили работу и отлетели в сторону, оставив после себя запах горячего металла и тишину. Пао смотрел вслед Гарму. Молчал. Только сжал челюсти и отвернулся.

А Гарм уже шагнул в цех. В лицо ударил горячий, спёртый воздух — кислота, перегретое железо, горелая смазка. Станки гудели. Прессы опускались. Где-то в глубине цеха, за рядами машин, ждал пресс номер четыре. Огромный. Ржавый. С чёрными потёками на боках.

Гарм натянул респиратор. Резина прилипла к лицу. И пошёл вперёд.

———

В раздевалке стоял запах дешёвого мыла и сырого креолита. Гарм снял респиратор и повесил его на крючок. Затем он снял повседневную куртку и штаны, аккуратно сложил их в ящик для чистой одежды, где они глухо стукнули о металл, и сел на скамейку.

— Ты должна!

— Нет, не должна! Я... Я...

— Только не говори, что ты влюбилась...

Гарм уловил чьи-то сигналы и, мотнув головой, прервал их. Эти сигналы были искажёнными и напряжёнными, но отдаленно знакомыми. Может быть, кто-то из его знакомых в цеху обсуждал чьи-то чувства? Гарм улыбнулся. Он скучал по этим чувствам — заботе, легкости, желанию быть рядом с человеком. Просто обнять её и быть вместе, неважно, где — хоть под мостом, под кислотным выбросом, падая в пропасть, но в последние минуты просто быть рядом, чувствуя её запах. Её дыхание. Её...

Имплант пискнул. Скамья была холодной. Гарм выдохнул. Медленно. Почувствовал, как напряжение уходит из плеч.

И тут затылок прострелило.

Боль была острой, колющей, неестественной. Не той тупой, ноющей, что появлялась после смены. Другая. Как будто кто-то воткнул в кость тонкую спицу и медленно проворачивал. Гарм дёрнулся. Сжал зубы. Пальцы сами собой потянулись к импланту — нащупали шов, холодный металл под кожей. Имплант пульсировал. Быстро. Как второй пульс.

Он подождал. Боль не уходила. Она пульсировала, отдавалась в висках, в глазах, в челюсти. Как будто имплант пытался что-то сказать. Предупредить. Но Гарм не понимал. Не мог понять.

— Что за... — пробормотал он.

Боль ударила снова. Сильнее. Гарм согнулся, упёрся локтями в колени, сжал голову руками. В ушах зазвенело. Где-то далеко, за стеной, что-то шептало. Тихо. Ритмично: «…Стой…» — и снова: «…Не иди…»

Он поднял голову. В раздевалке никого не было. Только шкафчики, скамьи, тусклый свет из-под потолка. И тишина.

Боль начала отступать. Медленно. Неохотно. Как магнит, который оттягивают от железа. Гарм выдохнул. Выпрямился. Потёр затылок. Имплант всё ещё пульсировал, но уже слабее. Как будто успокаивался.

Он встал. Подошёл к шкафчику. Достал чистую робу. Надел. Застегнул молнию. Достал сумку с инструментами. Проверил электронный пропуск. И вышел.

В коридоре пахло горячим металлом и гарью. Где-то в глубине цеха уже гудели и штамповали новые детали станки. Гарм натянул респиратор. И пошёл вперёд.

Боль в затылке не вернулась. Но где-то на самом дне, за стеной, что-то осталось. Тихое. Тревожное. Как будто имплант знал что-то, чего не знал он. Как будто он пытался предупредить. Но Гарм не понимал. Не мог понять. И это было хуже всего.

Пресс номер четыре стоял в конце цеха. Огромный. Ржавый. С чёрными потёками на боках, как запёкшаяся кровь. Его станина уходила в бетонный пол, а верхняя плита нависала над рабочим пространством, как челюсть хищника. Гарм подошёл. Положил руку на холодный металл. Где-то в глубине затылка тихо щёлкнуло. Шёпот. «…Здесь…» Он отогнал его. Взял сумку с инструментами. Открыл панель доступа.

— Ну, поехали, — сказал он сам себе. — Сейчас мы тебя будем оживлять.

Он вырубил питание. Главный рубильник щёлкнул, и в цеху стало тише — пресс замолчал, его гул стих, остался только визг далёких станков. Гарм проверил, что индикаторы погасли. Все до одного. Красные огоньки на панели погасли, превратились в тёмные, мёртвые точки. Он взял инструменты и полез внутрь.

Рабочее пространство пресса было тесным. Металл давил со всех сторон, холодный, в потёках старой смазки. Гарм лёг на живот, подсунул сумку под голову, вытянул руку с гаечным ключом. Гайки на подаче масла закисли, пришлось проворачивать с усилием. Металл скрипел. Гарм дышал через респиратор — резина прилипла к лицу, воняла чужой кожей.

Но тут раздался щелчок. Гул. Низкий, вибрирующий. Пресс оживал.

Гарм замер. Инструмент в руке дрогнул. Он поднял голову. Верхняя плита медленно, неотвратимо пошла вниз. Металл скрежетал. Гидравлика шипела. И этот звук — как будто ломали кости.

— Твою мать! — выдохнул Гарм.

Он рванулся назад. Но тело не слушалось. Имплант в затылке вспыхнул — ярко, обжигающе, — и на секунду парализовал его. Руки одеревенели. Ноги не двигались. Он смотрел, как плита опускается. Медленно. Слишком медленно. И слишком быстро одновременно.

За стеной металла, где-то далеко, кто-то закричал. Фурманы. Они увидели. Бежали. Но не успевали.

Гарм рванулся. Ещё раз. Изо всех сил. Имплант отпустил. Тело ожило. Он дёрнулся назад, выскользнул из-под плиты. Верхняя плита опустилась с влажным, тошнотворным хрустом. Гарм вылетел наружу, упал на спину, ударился о бетон. В глазах потемнело.

А потом пришла боль. Яркая. Режущая. Левую руку — от плеча и ниже — зажало между плитой и станиной. Кровь хлестала из-под металла. Кость хрустела. Гарм услышал этот звук — сухой, дробный, — и на мгновение почувствовал его. Не рукой. Звуком. Как будто кто-то ломал сухие ветки у него над ухом.

Боль длилась секунду. Может, две. А потом имплант снова щёлкнул. И боль ушла. Отодвинулась. Стала далёкой. Глухой. Как будто рука была не его. Как будто кровь на бетоне была не его кровью.

Подбежали фурманы. Кто-то закричал: «Рубильник! Вырубай!» Кто-то рванул к панели. Пресс дёрнулся, поднялся на несколько сантиметров — гидравлика взвыла, — и замер. Плита застыла. Из-под неё торчала рука. Вернее, то, что от неё осталось.

Гарм лежал на спине. Смотрел на свою культю. Кровь хлестала, заливала комбинезон, бетон, инструменты. Кто-то накладывал жгут. Кто-то кричал в чип, вызывая помощь. Кто-то матерился.

Гарм смотрел на культю. И не чувствовал ничего. Совсем ничего. Только где-то далеко, за стеной, что-то билось. Отчаянно. Живо. Но он не мог до этого дотянуться.

— Гарм! Гарм, слышишь меня? — Кто-то тряс его за плечо. — Не закрывай глаза!

Он моргнул. Медленно. Мир поплыл. Кровь на бетоне была яркой. Почти красивой. Как лужа дождя под фонарём.

А потом мир погас.

———

Скет вытирал хромированные пальцы от крови тряпкой. Медленно. Тщательно. Кровь была тёмной, почти чёрной, и пахла железом. Тряпка оставляла на металле бурые разводы, и Скет смотрел на них так, будто читал по ним что-то. Может, и читал.

— Знаешь, Гарм, а ведь у меня тоже есть семья, — сказал он.

Гарм изучал свою новую руку. В плече звенела боль — суставы, которые соединялись с инженерией Скета, ныли глухой, тянущей болью. Металл был холодным. Чужим. Он поднял руку, повернул ладонью вверх, потом вниз. Механизмы внутри тихо скрипнули. Смазка ещё не встала, как надо.

— Жена Рима. Сын Логан. Ему шесть. Он любит... — Скет замолчал. Слишком резко. Будто подавился словом. Тряпка в его руках замерла. — К слову, мы, «Бинары», не забываем свои семьи, даже когда тело полностью меняется. Но нам запрещено с ними видеться. Для их же блага мы — мёртвые. Каждый из нас перечисляет им коинты под видом компенсации о потере кормильца. И поверь, суммы там немаленькие.

Гарм попробовал приподнять левую руку. Попытался сжать ладонь в кулак. Механизмы скрипнули. Пальцы послушались — но он ничего не почувствовал. Ни тепла, ни сопротивления. Только боль в плече, где металл входил в плоть. Ощущение было таким, будто рука затекла. Она слушалась лишь рефлекторно. Не его.

Скет наблюдал за его действиями.

— Ты привыкнешь, — произнёс Скет, глядя на его новую, хромированную руку. — Металл облегчённый, из хирургического сплава.

— Угу, — холодно ответил он, привыкая к новой руке. — Спасибо. Я проникнуться должен к твоей семье? Или в этом есть какая-то суть?

Скет отложил тряпку. Посмотрел на Гарма внимательно. Красный глаз мигнул, сменился на синий — сканировал. Потом снова красный.

— Суть есть, — сказал он. — И ты её знаешь. Но пока не хочешь признавать. — Он наклонился вперёд, оперся хромированными локтями о стол. — Ты ведь понимаешь, что пресс включили не просто так. Это не случайность. Не сбой. Кто-то подошёл к рубильнику и поднял рычаг. Специально.

Гарм молчал. Он смотрел на свою руку. На хром. На сочленения.

— Я думал об этом, — сказал он наконец. — Пока лежал там. Под плитой. Пока кровь шла. Думал.

— И что надумал?

— Пао. — Гарм произнёс это имя ровно. Без злобы. Просто как факт. — Больше некому.

— Пао? — Скет чуть наклонил голову. — Тот самый Пао, который трясётся над каждым коинтом?

— Тот самый.

— И ты думаешь, он поднял рубильник? Зная, что ты — единственный, кто держит его цех на ходу? — Скет хмыкнул. — Это как выстрелить себе в ногу. Или в кошелёк.

— Я знаю. — Гарм пожал плечами. — Логика говорит — не он. Слишком дорого. Слишком глупо. Он потеряет больше, чем получит. Цех встанет. Заказы сорвутся. «Бинары» будут недовольны. Ему это невыгодно.

— Но?

— Но он самовлюблённый. — Гарм поднял глаза на Скета. — Ты видел его сегодня. Он орал, что я виноват в смерти этих двоих. Он не мог простить, что я ему сказал. Про зарплату. Про отчёты. Про то, что он кладёт разницу в карман. Он стоял и слушал, как я его раздеваю. При всех. При дронах. При фурманах. — Гарм помолчал. — Для такого, как Пао, это хуже, чем потерять цех. Это потерять лицо и быть подвешенным за яйца. Ведь так?

Скет помолчал. Он смотрел на Гарма. Красный глаз тускло мигал.

— За яйца, как ты выразился, подвесить мы всегда успеем. Тем более у нас давно уже виды на другого начальника цеха. Но если это кто-то другой? — спросил Скет. — Кто-то, кто знал, что ты полезешь в пресс?

— Тогда я вообще ничего не понимаю. — Гарм покачал головой. — Ночная смена? Мстят за тех сорванцов? Может быть. Но они бы не подошли к рубильнику. Вызвали бы меня один на один, набили бы морду. Но пресс? Нет. Тот, кто поднял рычаг, — он не трус. Он знал, что делает. Или думал, что знает.

Скет скрестил руки и облокотился спиной о стену. Хром тихо лязгнул.

— Знаешь, что я тебе скажу, Гарм? — Он снова взял тряпку. — В моей работе есть правило. Если не можешь понять, кто виноват, — смотри, кому это выгодно. Не кто злился. Не кто кричал. А кому выгодно. — Он вытер руки. — Выгодно ли это Пао? Возможно. Но он теряет деньги. Ты — руку. В минусе оба.

Гарм молчал, глядя на него.

— Это лишь мои мысли, — пожал плечами Скет. — Я не следователь, я техник, и моё дело — чинить, а не искать виноватых. — Он с хитрым блеском в глазах взглянул на руку Гарма. — Если так пойдёт и дальше, ты либо станешь трупом, либо одним из нас.

— Трупом, — резко ответил Гарм. — Я и так уже считаю себя одним из вас. Из-за этого импланта мне в голову приходят странные слова. Хорошо, что я хотя бы выгляжу только наполовину как раньше. Перспектива не видеться с семьёй меня не устраивает.

— Слова? — Скет был изумлён. Он застыл, как статуя и уставился на Гарма своими голубыми светящимися имплантами. — И что говорят тебе эти слова?

— В последний раз они говорили мне: «не иди». «Стой». Что за «Тот»?

Скет чуть не выронил тряпку из рук.

— Ты... Ты его слышишь? — спросил он.

— Кого слышу? Может быть, хватит этих бесконечных загадок? — раздражённо ответил Гарм. — Я и так уже, блядь, потерял почти четверть тела за этот короткий промежуток времени.

— Ты даже не представляешь, как тебе повезло услышать зов Иного! – едва не с трепетом заговорил Скет, сдерживаясь.

— Иного, Тот, Сфера... — Гарм выпрямился, поджал хромированную руку другой и обошёл Скета по кругу. — Я устал от всего этого.

— Ты давно его слышишь? — спокойно спросил Скет, поворачиваясь вслед Гарму.

— Почти с самого начала. — Гарм остановился, встретил взгляд Скета, который словно изучал его. — Ещё дома я начал его слышать. Он пытается со мной разговаривать. — Гарм попытался шевельнуть рукой, но та едва слушалась. — Да какая разница, Скет? Всё равно мне это не нравится.

— Тот — это имя... — пробормотал Скет многозначительно. Он взглянул на Гарма так, словно увидел что-то новое. — Как и Сферум, и Иной. Это всё одно существо. Древнее, как само время. Его не слышат даже наши просвещённые... А ты... Слышишь.

Гарм почувствовал на себе взгляд Скета — так смотрят на редкий имплант. Секунд десять он молчал, словно обрабатывая информацию, и кивнул. Не Гарму. Себе. — Счёт за руку я вышлю позже, — только выдавил он, явно что-то скрывая.

Гарм ничего не ответил. Он смотрел на свою новую руку: на хром, на сочленения, на искусственную кожу, которая была слишком гладкой, слишком идеальной. Он знал, что она работает, знал, что она сильнее, чем прежняя. Но она была не его.

Где-то за стеной, на самом дне, что-то снова дёрнулось. Больно. Живо. Но он не мог до этого дотянуться.

Глава 5. «Долг»

— Гарм, ты в порядке?

Телла выросла перед ним так внезапно, что он едва не прошёл сквозь неё. Она стояла в коридоре у выхода из подвала Скета — худая, серолицая, с планшетом, прижатым к груди, как щит. Свет аварийной лампы падал ей на лицо сверху, и тени под глазами казались глубже обычного.

— Мне так жаль, Гарм, — начала она, едва сдерживая слёзы. — Жаль, что именно ты оказался под ним.

— Мог быть кто угодно, Телла, — ответил Гарм. — Спасибо.

Он не остановился. Шёл дальше, придерживая левую руку — новую, хромированную, — чуть на весу. Плечо тянуло. Металл был холодным даже сквозь ткань комбинезона.

Телла пошла рядом. Не отставала. Её шаги — быстрые, семенящие — не поспевали за его тяжёлым шагом. Она то забегала вперёд, то отставала, пытаясь заглянуть ему в лицо.

— Ты... — её голос дрогнул. — Ты теперь... Бинар?

Гарм остановился. Повернул голову. Посмотрел на неё — прямо, без выражения. Она смотрела на его руку. На хром. На сочленения. И в её глазах было что-то, чего он не ожидал увидеть. Не жалость. Не страх. Что-то острое. Голодное. Как будто она ждала этого. Как будто она знала.

— Рано ты меня списываешь, Телла, — сказал он ровно. — Мне и фурманом быть хорошо.

Она выдохнула. Долго. Как будто держала воздух в лёгких с того самого момента, как увидела его.

— Я рада, что с тобой всё хорошо.

Слова прозвучали правильно. Но что-то в них было не так. Слишком гладко. Слишком заученно. Гарм не стал копать. Не было сил. Не было желания.

— Сделаешь мне одолжение? — спросил он вдруг.

Телла подняла на него глаза. В них вспыхнула надежда — быстрая, как искра.

— Да. Что?

— Пригляди за Адой какое-то время. — Он поднял левую руку, повернул её, размял кисть. Механизмы внутри тихо скрипнули. — Скет сказал, имплантация серьёзная. Пару дней надо побыть под его наблюдением. Рука должна прижиться. Иначе — отторжение.

— Конечно, — сказала она. Слишком быстро. — Конечно, Гарм. Я присмотрю.

Он полез в карман куртки. Достал электронный ключ — маленький, прямоугольный, с потёртыми углами. Ключ от их с Адой квартиры. Он носил его с собой столько лет, что металл стёрся до блеска в том месте, где его касался большой палец.

Гарм взял её руку. Вложил ключ в ладонь. Её пальцы были холодными и сухими. Она сжала ключ. Крепко. Как будто боялась, что он передумает.

— Спасибо, Телла. Я твой должник.

— Я... Я с радостью, Гарм!

Она улыбнулась. Улыбка вышла яркой — слишком яркой для серого коридора, освещённого аварийными лампами, для этого места. Она постояла ещё около тридцати секунд, не уходя, переминаясь с ноги на ногу, и смотрела на него снизу вверх, словно ожидая чего-то ещё. Слова, жеста, возможно, прикосновения.

Гарм не предложил ничего. Он просто стоял и смотрел на неё.

Телла наконец развернулась. Постояла немного, виновато повернулась обратно, опустив глаза.

— Гарм... — её голос слегка дрожал. Она сглотнула и, собравшись с мыслями, произнесла: — Ты... В общем... Прости меня.

— За что? — не понял Гарм.

— За всё. Просто прости.

Резко развернувшись, она зашагала по коридору. У двери обернулась — быстро, украдкой. И скрылась за поворотом.

Гарм проводил её взглядом. Вздохнул. И где-то в глубине его сознания, за стеной, что-то шевельнулось. Тревожно. Тихо. Как будто имплант знал что-то, чего не знал он. Но голос молчал.

Он развернулся и пошёл в раздевалку. Ада сейчас в надёжных руках, сказал он себе. Телла хорошая. Телла присмотрит.

———

Раздевалка встретила его тишиной и запахом дешёвого мыла. Гарм снял робу — ткань прилипла к телу, пропиталась потом, кровью и машинным маслом, — и бросил в ящик для грязной одежды. Глухой стук. Ткань легла на дно, как сброшенная кожа.

Он сел на скамью. Металл обжёг кожу через тонкую майку. Гарм поднял левую руку. Положил на колено. И стал изучать.

Шов был безобразен.

Фиолетовый, вздутый, с хрустальными нитями, которые удерживали имплант до полного заживления и усвоения организмом. Нити блестели в тусклом свете ламп — как паутина. Как что-то живое. Под кожей — металл. Гарм чувствовал его. Титановый штифт в кости, который служил каркасом для удержания руки. Боль была тупой, тянущей. Она не уходила. Она просто была. Сколько он будет чувствовать эту боль, он не представлял. Может, месяц. Может, год. Может, всю жизнь.

Сплав был специальный. Медицинский. Облегчённый и крепкий. Только в центре Яра могли отливать такие. Их печи выдерживали самые высокие температуры. И стоило это удовольствие отнюдь не дёшево. Гарм думал об этом. О том, какой счёт выставит ему Скет. И где он возьмёт деньги.

Он сжал и разжал новую кисть.

Пальцы послушались — но он почти ничего не почувствовал. Датчики чувствительности на руке начали понемногу вживаться в нервную систему. Он коснулся указательным пальцем большого. Едва уловимое ощущение. Как будто что-то тёплое коснулось кожи. Датчики подавали оперативный сигнал на нейронную связь в его мозг. И это его даже забавляло. Как игра. Как новая игрушка.

Он перебирал пальцами — от указательного к мизинцу, трогая большой. Ощущение становилось всё явнее. Всё чётче. Как будто рука просыпалась. Медленно. Неохотно.

— Как ты?

Голос раздался от двери. Знакомый. Осторожный. Стук в дверной косяк — тихий, вежливый, как будто просили разрешения войти в чужой дом.

Гарм повернул голову.

Пао стоял в проёме.

Пухлый начальник цеха. Потный. Красный. С планшетом под мышкой, который он сжимал так, будто тот был единственным, что держало его на ногах. Он не входил. Просто стоял. Как пёс, который боится войти в чужой двор.

— Зачем пришёл, Пао? — зло фыркнул Гарм.

— Что? Нет. — Пао понял намёк. — Если ты думаешь, что это моих рук дело, то ты ошибаешься.

— Объясни почему.

Пао вошёл. Медленно. Скамья скрипнула под его весом, когда он присел рядом — на расстоянии вытянутой руки, не ближе. Планшет он положил на колени. Пальцы вцепились в край.

— Ну, во-первых, Бинары меня распнут за такого ценного кадра, — он криво ухмыльнулся. Улыбка вышла жалкой. — Во-вторых: ты единственный кадр, который держит этот цех на плаву. Какая мне выгода?

Гарм вздохнул. Посмотрел на свою руку. Перебрал пальцами — от указательного к мизинцу, трогая большой. Металл блеснул в свете лампы. Холодный. Чужой.

— Да, я тоже так подумал. Есть мысли, чьих это рук дело?

Пао взглянул куда-то в потолок. На мигающую лампу. Она жужжала — тихо, раздражающе, — и он смотрел на неё так, будто искал там ответ.

— Я думаю, это кто-то из друзей или из родни тех двух сорванцов. — Он помолчал. — Вчера было много народу. От пацанов осталась одна труха. Они просто не отключили рубильник, и пресс поехал прямо на них. От неисправности. Что-то они там замкнули и не успели выскочить. Жаль пацанов. Многие тебя вспоминали. Недобрым словом.

— Да, молодые ещё были, — сказал Гарм.

И в голове что-то щёлкнуло.

Тот же самый писк. Тот же самый шёпот. Отдался тупой болью в затылке. Имплант вспыхнул — ярко, обжигающе, — и на секунду парализовал его. Гарм замер. Сжал зубы. Пальцы вцепились в край скамьи.

«…Неон, Гарм…»

Гарм прислушался. Взглянул на Пао.

— Неон.

— Что «Неон»? — не понял Пао.

— Не знаю... Что-то в голове сказало «Неон».

Пао уставился на него. Потом на его голову. На имплант. На хромированную руку. И в его глазах что-то изменилось. Что-то, что Гарм не смог прочитать.

— Гарм, ты стал странным с этим имплантом.

— Я знаю, Пао... — выдохнул Гарм. — Наверное, мне нужно отдохнуть.

Пао встал. Отряхнулся — жест привычный, как будто стряхивал с себя пыль. Развернулся. Направился к выходу. И замер в проёме.

— Отдыхай, Гарм. — Он помолчал. — И, это... Пришлёшь мне счёт от Скета. Я оплачу твой имплант в качестве компенсации.

Гарм поднял на него глаза.

Пао смотрел в сторону. Не на него. Куда-то в коридор. Как будто извинялся. Как будто не знал, как это сказать. Как будто слова давались ему тяжело — тяжелее, чем должны были.

— Хорошо, — сказал Гарм. Ровно. Без эмоций.

Пао кивнул. Принял это за благодарность. И вышел.

Шаги стихли в коридоре. Только где-то в глубине капала вода. Ритмично. Как секундная стрелка.

Гарм остался сидеть. Он смотрел на свою руку. На хром. На фиолетовый шов. На хрустальные нити.

И где-то в глубине его сознания, за стеной, которая снова стала толстой и непробиваемой, что-то тихо шептало:

«…Тот выбрал Гарма… И Тот покажет...»

Он не понял. Не услышал. Но что-то в нём дрогнуло.

———

Весь день Гарм провёл в цеху — не занимаясь основной работой, но помогая чем мог. Он ходил между станками, заложив правую руку за спину, а левую — свою новую хромированную

руку — слегка приподняв. Плечо ныло, но не от боли: Скет дал ему седативные препараты и антибиотики, и боль была лишь незначительным фоном. Однако его беспокоил вес металла. Каждый раз, когда он поднимал руку, чтобы продемонстрировать что-то молодым механикам, плечо словно тянуло вниз, и он ловил себя на том, что разминает его, привыкая к ощущению инородного тела в своём организме.

Молодые механики внимательно слушали его наставления. Особенно Дар — юный практикант, который стоял у лифта рядом с двумя погибшими. В его глазах горел искренний интерес, как и всегда.

Практиканты хорошо помнили гибель своих ровесников и осознавали, что советы Гарма — это не просто слова, а результат опыта, оплаченного кровью. Некоторые из них с опаской смотрели на его руку, словно боясь прикоснуться к чему-то необычному и опасному. Другие же проявляли любопытство, пытаясь разгадать тайну нового протеза.

Гарм не замечал их взглядов. Он был полностью сосредоточен на своей работе.

— Не так, — сказал он Дару, который пытался вскрыть панель доступа. — Резак держи под углом. Ты не мясо режешь. Ты металл вскрываешь. Ему нужно сопротивление. — Он наклонился, перехватил запястье Дара и показал, как правильно держать инструмент. Хром лязгнул о хром. Парень вздрогнул от неожиданного звука и ощущения холодного металла. — Вот. Чувствуешь? Он сам пойдёт. Не дави, иначе испортишь механизм.

— Я понял, — сказал парень, внимательно слушая советы. — Учту, Гарм.

Гарм знал. Он понимал, что Дар может стать отличным инженером-механиком при его отсутствии. Он слишком правильный. Слишком... Ответственный.

Гарм выпрямился, и его плечо снова дёрнуло. Он размял его, покрутил — металл внутри тихо скрипнул, смазка ещё не встала, как надо, и движение давалось с некоторым трудом.

— Полупроводники, — сказал он, обращаясь уже ко всем, кто стоял рядом и внимательно следил за его действиями. — Вот эти — менять, они уже изношены и могут привести к сбоям. — Он ткнул пальцем в плату, указывая на конкретные элементы. — А эти — оставить. Они ещё год протянут, если правильно ухаживать за оборудованием.

Механики закивали, некоторые хмыкнули, признавая его опыт, другие записали замечания в планшеты, чтобы потом не забыть.

Скет, который наблюдал за Гармом издалека, позже сказал, что сенсорная функция протеза работает на пятьдесят четыре процента. «Один из лучших результатов, которые я видел», — сказал он, и глаза у него странно блестели. Гарм не понял, от восторга или от чего-то ещё. Он просто кивнул. Пятьдесят четыре процента — значит, чуть больше половины. Он чувствовал прикосновения, но как через ткань, словно между ним и миром появилась невидимая преграда. Чувствовал тепло, но как будто чужое, не своё. Чувствовал холод металла, но не так, как раньше, когда рука была живой.

— Нормально, — сказал он Скету тогда, стараясь скрыть свои сомнения и неуверенность. — Пао уже оплатил?

Скет кивнул и ничего не ответил. Только посмотрел на него внимательно, слишком внимательно, словно пытаясь прочесть мысли Гарма, понять, что скрывается за его внешним спокойствием.

———

Пао жаловался весь день.

Он появлялся то в одном проёме, то в другом. Суетливо бегал от станка к станку, помечая что-то в планшете. Тыкал пальцем в экран, листал отчёты и орал:

— Опять, блять, перебой! У меня на все механников не хватит! Ещё и водоочистители барахлят.

Гарм смотрел, как дроны-чистильщики — матово-серые, с манипуляторами, покрытыми слизью, — вычерпывают из дренажного колодца что-то бурое, тягучее. Оно чавкало. Оно

пахло. Запах был сладковатый, с привкусом гнили — как от собаки Скета, только сильнее. Гарм натянул респиратор повыше. Резина прилипла к лицу.

— Фильтров пока нет, — раздался голос связи в наушнике у Пао. — Только за свой счёт, Пао. На ваш участок не записано. Сам понимаешь.

— Что значит не записано? — Пао швырнул планшет на стол. — Мы чем отличаемся от других?! Вы там что, все ахренели?!

Сантехники не ответили. Они дали понять, что не всё в этом городе держится на них. И его махинации со списанием в брак целых партий фильтров не проходят даром.

Гарм осознавал, что проблема не в фильтрах. Фильтры — лишь официальная версия, удобная для всех. Пока кто-то не спустится вниз и не проверит состояние водоочистительного яруса, все будут винить фильтры. Однако никто не хотел добровольно отправляться на разведку — ведь это могло быть на руку Пао.

Он посмотрел на тёмный проём лестницы, уходящей вниз. Оттуда тянуло холодом. И чем-то ещё. Чем-то живым.

— Гарм! — Пао подскочил к нему. — У нас тут проблема.

— Что опять у тебя случилось? — на выдохе спросил Гарм.

Пао осёкся. Открыл рот. Закрыл. Посмотрел на лестницу. Потом на Гарма.

— Два станка скоро выйдут из строя, а в водоочистителе забились фильтры, — произнёс он. — Механиков не хватает. Когда сможешь уже выйти? Нам сказали, что замену фильтров мы должны оплатить сами. Представляешь? Жлобы.

Гарм не стал отвечать. Он мог бы поспорить с Пао и сантехниками о том, кто из них жаднее, но промолчал. Он просто смотрел вниз, в темноту. И где-то в глубине его сознания, за стеной, что-то тихо шепнуло. Ритмично и успокаивающе.

— И что ты предлагаешь? — спросил Гарм.

Пао, глядя на него, пожал плечами.

— Нужно найти того, кто смог бы спуститься в нижний ярус. Иначе беда.

— Ты сам не в силах? — криво взглянул на него Гарм. — У нас даже аварийной бригады для этого нет. Ты же сам её распустил, думая, что мы справимся сами.

— Конечно, справимся! — твёрдо и чётко заявил Пао. — Если со станками мы разберёмся с Гароном, то к водоочистителям я не полезу, Гарм. Не по статусу. Сам понимаешь. За это другие получают коинты. Мне за это...

— Да, замолкни ты... — перебил его Гарм, отмахнувшись от бубнежа. — Дроны пока справляются, я смотрю. А когда появятся фильтры, найдём и бригаду.

Пао открыл рот. Хотел что-то сказать. Но не сказал. Только кивнул. Медленно. И отвернулся.

Гарм смотрел ему в спину. И думал о том, что где-то там, внизу, в темноте, что-то ждёт. Что-то, что дышит отходами. Что-то, что живёт в трубах.

———

Вечером он позвонил Аде.

Чип щёлкнул, интерфейс развернулся перед глазом — бледно-голубой, ровный. Он выбрал её канал. Гудок. Второй. Третий. Он уже думал, что она не ответит — может, спит, может, чип в рюкзаке, — но на четвёртом она ответила.

— Пап? — Голос сонный, но живой. — Привет, пап. Ты где?

— На работе, пушинка. — Он помолчал. Слова давались легко. Слишком легко. — Тут срочное. Придётся задержаться на пару дней.

— На пару дней? — повторила она. И в её голосе что-то дрогнуло. Не обида. Что-то другое. Как будто она ждала этих слов. Как будто она их уже слышала. — Хорошо.

— Ты как? — спросил он. — Одна?

— Нет. — Пауза. — Телла пришла. Вечером. Мы играли в настолку. Она приготовила ужин. Омлет. Я давно не ела омлета. И хлеб у неё был — настоящий, из третьего сектора. Помнишь, тот, с корочкой? Она сказала, что съездила за ним в супермаркет. Мы ели, и она рассказывала про водопады. Ну, в Верхнем секторе. Она там была. Говорит, вода светится.

Гарм слушал. Её голос журчал, перескакивал с одного на другое. Она была рада. Она была сыта. Она была не одна.

— Это хорошо, — сказал он. — Телла хорошая. Как там школа?

— Школа хорошо. Мальчики, правда, какие-то злые. Но я не жалуюсь, пап. Просто иногда они хотят получить от меня в бубен. — Ада сделала паузу. — А ещё сегодня на уроке минералогии нам рассказывали про Синапс...

— Синапс, это такой кристалл, который... — перебил её Гарм, увлечённый разговором.

— Папа! — недовольно буркнула Ада. — Я рассказываю, а ты слушай. Хорошо?

— Прости, пушинка. Продолжай.

— Вот... — взахлёб продолжила она. — Синапс — это такой кристаллик, который очень хрупкий, но очень... Сильный. Он даёт нам много энергии. Наши батарейки, наши визоры — всё работает, потому что он в нашем... Прторектароторе... — пыталась она правильно сказать «протореактор». Гарм улыбнулся, но не стал поправлять. — А ещё, если Синапс разбить, осколки называются Кровью Синапса. Они ядовитые.

— Ты умничка, пушинка. Я даже не знал! — соврал Гарм. Он знал про Синапс и Кровь Синапса достаточно хорошо, но дал Аде почувствовать себя умнее. Свою — значимость и уверенность. Знание, что её любопытством и знаниями кто-то интересуется.

— Правда? — Ада довольно помолчала. — Пап, а ты когда придёшь?

— Скоро, — сказал он, вздохнув. Он не знал, когда вернётся. Скет дал ему пару дней наблюдения. Но что это значит? Он может идти сейчас — или заперт, пока аугментация не приживётся? — Пару дней. Максимум.

— Хорошо, — сказала она снова. И в этот раз в её голосе было что-то взрослое. Что-то, что знало больше, чем говорило. — Пап... — Ада сделала паузу.

— Да?

— Я тебя люблю.

— И я тебя, пушинка, — ответил он.

Он отключил связь. Интерфейс схлопнулся. В раздевалке снова стало тихо. Только капала вода где-то в глубине труб. Ритмично. Как секундная стрелка.

Гарм посмотрел на свою руку. Хром. Фиолетовый шов. Хрустальные нити, блестящие в тусклом свете.

И где-то в глубине его сознания, за стеной, что-то шепнуло. Тихо. Ритмично.

«…Она…»

— Она... — почти бесшумно повторил он. — Неон... Не... Он... Она...

Гарм догадался, что неправильно услышал голос в своей голове. Имплант пытался что-то ему сказать, но он не понимал... Не «Неон», а «Не он». Не Пао. Но что не Пао? И почему «Она»? И кто? Ада? Имплант пытался что-то сказать про Аду? Но что?

Имплант не ответил. Как ни пытался Гарм его услышать, в голове стояла тишина. Он сжал и разжал новую кисть. Пальцы послушались. И почти ничего не почувствовали.

Глава 6. «Нижний ярус Нижнего Яра»

Гарм пробудился от пронзительного сигнала тревоги, который, словно острый нож, разрезал пелену сна. В плече раздался хруст, как будто имплант отделялся от тела. Гарм принял обезболивающий седатив ещё перед сном, чтобы не чувствовать боли, иначе он бы не смог прийти в себя. Но седатив уже выветривался — тупая, тянущая боль поднималась от ключицы к шее, отдавалась в позвоночник, где сидели крепления и соединялись узлы.

Над головой с неприятным жужжанием мигала аварийная лампа — красная, с трещиной в плафоне. Она отбрасывала резкие, дёрганые тени на стены его тесной каморки, которые метались по креолиту, словно перепуганные крысы. В воздухе витало предчувствие надвигающейся беды — то самое, от которого пересыхает во рту и ноет за грудиной. Что-то чрезвычайное произошло.

Ещё не до конца осознавая, что именно, и не успев толком протереть глаза — в левом застряла соринка, которая тёрла и резала, — Гарм поспешно надел рабочую куртку. Молния заела на середине, и он рванул её, ткань треснула, но он не стал возиться. Затем он сунул ноги в ботинки — правый не сразу попал, пятка проехалась по заднику — и, не теряя ни секунды, выбежал в коридор, с громким стуком захлопнув за собой дверь. Звук ударил по ушам и отозвался в затылке тупой болью. Имплант проснулся вместе с ним и теперь пульсировал, вторя сирене.

Коридор был полон людей. Кто-то бежал, застёгивая комбинезон на ходу, кто-то матерился, кто-то стоял у стены с открытым ртом, глядя на потолок, откуда сочилась вода. Тонкая струйка, бурая, с запахом — она уже успела натечь в лужу у порога и теперь расползалась, чавкала под подошвами. Мимо пронёсся сантехник с мотком шланга на плече, задел Гарма плечом, не извинился. За ним второй — тащил тележку с насосом, колёса визжали, цеплялись за решётку.

Выйдя на решётчатую платформу второго этажа, Гарм огляделся.

В нос ударила сильная вонь гнили и стоков. Не та привычная вонь Нижнего Яра — масло, гарь, пот, — а другая. Тяжёлая, сладковатая, с металлическим привкусом. Как будто где-то вскрыли брюхо огромной туши и оставили гнить в тепле. Запах лез в горло, оседал на языке, забивался под респиратор. Гарм натянул резину повыше — не помогло.

Взглянув чуть дальше, он увидел, как по цеху протягивается полоса мутной воды. Она шла от лестницы, что вела вниз, в водоочистительный ярус, и расползалась по полу, обтекала станины станков, собиралась у дренажных решёток. Но решётки не справлялись. Вода шла быстрее, чем уходила. И она была не просто мутной — в ней плавало что-то. Тёмные хлопья, волокнистые, как гнилая ткань. Они цеплялись за металл, за обувь, за колёса тележек. Один комок налип на станину седьмого станка и медленно сползал вниз, оставляя на металле блестящий след.

— Что произошло? — окликнул он одного из рабочих, который в спешке бежал мимо за его спиной. Парень был молодой, в жёлтой химзащите, с перекошенным от страха лицом. Он остановился, но глаза всё равно бегали — то на лестницу, то на воду, то на Гарма.

— Гарм, я пока не в курсе, но по ходу канализацию прорвало. Пао зовёт всех на выходе. — Он сглотнул. — Там это… Лезет что-то. Не вода. Гниль. Кто-то говорит, что это конструкты лезут.

— Чего? Конструкты? — скептически переспросил Гарм. — Они в своём уме? Санация уже в курсе?

— Ну, они так сказали. Я не знаю. — Парень дёрнул плечом и побежал дальше, оскользаясь по мокрой решётке.

Гарм пошёл следом.

Он шёл быстро, но не бежал. Плечо с хромированной рукой тянуло, каждый шаг отдавался в импланте. Вокруг него цех, обычно гудящий ровно, как хорошо смазанный механизм, теперь дёргался и сбоил. Дроны-чистильщики — матово-серые, с манипуляторами, покрытыми слизью, — метались над полосой воды, сталкивались друг с другом, пищали. Их операторы орали в чипы, перекрывая сирену. Кто-то волок по полу моток шланга — тяжёлый, в бурых потёках, — и шланг цеплялся за углы, за ноги, за всё подряд. Кто-то уронил тележку с насосом, и она теперь лежала на боку, а из неё сочилась смазка, смешиваясь с грязной водой. Пахло всё это так, что глаза слезились.

У лестницы, что вела вниз, в водоочистительный ярус, толпились люди. Механики, клепальщики, разнорабочие, фурманы из ночной смены, пара практикантов с перекошенными лицами. Все смотрели вниз. Никто не спускался. Кто-то что-то читал шёпотом про себя — быстро, мелко, как будто отгонял от себя что-то невидимое.

Пао стоял там же с планшетом в руках, который он сжимал так, будто тот был единственным, что держало его на ногах. Рядом стоял старший смены — Гарон. Они что-то спорили, и Гарон явно был этим недоволен. Увидев Гарма, Пао дёрнулся навстречу.

— Гарм! Наконец-то! — Голос у него сорвался, и он откашлялся. — Короче, фильтры я нашёл. Четыре штуки. Пришлось поднимать связи, своих людей, через одного, второго, третьего. Не сплю уже третьи сутки, — Гарм скривился от такого вранья. — Надо лишь спуститься и поменять.

— Бинары в курсе? — сходу спросил Гарм, глядя вниз по лестнице. — Ты уже нашёл бригаду?

— Я хотел, чтобы ты эту бригаду нашёл. — Пао пожал плечами. — Я сейчас наберу молодняк, а они там ещё хуже сделают, понимаешь? А бинаров я не стал беспокоить по таким мелочам. У них и так много другой работы.

Гарм взглянул на Пао. Тяжело. Он понимал, что Пао не сообщил Бинарам только потому, что возникнут вопросы насчёт его экономии.

— Что значит «по таким мелочам»? — спросил Гарм. — По-твоему, когда цех на грани затопления, это мелочь?

— Гарм, ты сейчас слишком мнительный. — Пао отмахнулся. — Тут работы на полчаса. А цех мы вымоем, и будет как новый. Просто нужно сменить фильтры в Секторе Б под нашим цехом. Просто не думал, что будет так скоро.

Спорить было бессмысленно. Звать Бинаров или даже Службу Санации по такому случаю, в принципе, было правильно — просто не тот уровень. Санация занимается стоками и контролем заразы, Бинары — охраной периметра и внешними делами.

Гарм посмотрел вниз. Лестница уходила в темноту. Оттуда тянуло холодом и той самой вонью — гниль, слизь, вода. Прикинул: не глубоко. Примерно на пол ботинка. Прорыва нет, но точно что-то течёт. Аварийные лампы внизу мигали, выхватывали из темноты куски труб, лужи, что-то бурое, тягучее, что медленно сползало по стене.

И где-то в глубине его сознания, за стеной, что-то шепнуло. Тихо. Ритмично.

«…Они там…»

Гарм сжал и разжал новую кисть. Пальцы послушались. Восприятие уже было привычным. Лишь небольшая боль в кости со штырём и ощущение, будто что-то давит в плече. Как десна чувствует замороженный зуб.

— Ладно, — сказал он. — Спущусь. Но сначала — перекройте воду. Все задвижки, какие есть.

— Вот так просто? Ты пойдёшь туда? Может, возьмёшь кого-нибудь с собой? — чуть возмутился Гарон. — Там может быть опасно.

— Кого? — Он глянул на Гарона и на молодых, что стояли полукругом. — Эту зелень? Вам двоих мало было? Остальных ждать долго.

— Ну, да… Ты прав. — Гарон взглянул вниз. — Но я всё равно не могу тебя одного туда отправить. По инструкции…

— По инструкции этот жирдяй должен был фильтры менять раз в месяц, а не раз в квартал, — отрезал Гарм, кивнув на Пао. — Давай без лекций.

Пао чуть было не дёрнулся, чтобы поспорить, но решил промолчать. Все знали о его делишках. Но молчали, так как даже при таком раскладе Пао платил без задержек и редко лишал премии. Он отступил на шаг. Планшет в его руках дрогнул.

— Гарм, я с тобой пойду, — вдруг вызвался Дар. Все оглянулись. Дар растерянно оглянулся на десятки уставившихся на него глаз, включая Гарма и Пао.

— Чего? У меня отец там работал, в водоочистителях. — Дар вздохнул. — Погиб года два назад. Он водил меня по этим туннелям. Мне было бы потом стремно, если бы я об этом не сказал и не предложил помощь. Я знаю, где там что. Схемы нет, но логику туннелей знаю. По крайней мере, верхнего уровня.

— Там может быть опасно, — предупредил Пао.

— И что? Нам закрыть цех теперь из-за этого?

Народ забурчал. Кто кивал на парня, кто с сочувствием вздыхал. Кто-то из ночной смены хмыкнул: «Смелый». Другой ответил: «Дурак». Но спорить никто не стал.

«…Гарм… Иди... Я должен показать… Ты должен знать… Вы должны знать…» — имплант мигнул и надавил на мозг. Гарм коснулся импланта рукой. Он был тёплый. Чуть горячее обычного. Как будто внутри головы работал маленький, злой нагреватель.

— Чёрт… — выругался он. — Ладно. Собирай инструменты, будем спускаться, пока не поздно.

Дар кивнул. Побежал к шкафчикам — быстро, уверенно. Вернулся через минуту с двумя сумками — своей и ещё одной, чужой, с чьей-то фамилией на бирке. Протянул Гарму. Тот взял. Сумка была тяжёлой. Внутри звякнуло.

— Фонари есть? — спросил Гарм.

— Есть. Два. И ещё один у Пао, — ответил Гарон.

Гарм взял фонарь. Включил. Луч ударил вниз, выхватил из темноты первые ступени — мокрые, в мутных разводах. Вонь была невыносимой. Дар и Гарм натянули респираторы, и вонь почти исчезла.

— Пошли, — сказал он.

И шагнул на первую ступеньку.

Внизу горели лишь редкие неоновые лампы.

Лестница, насчитывающая двадцать ступеней, заканчивалась, открывая взгляду коридор. Даже сквозь фильтры, установленные на лице Гарма, доносился едва уловимый, но настойчивый запах — привкус гнили и чего-то сладкого, что оседало на языке, несмотря на защитную маску. Гарм ощущал его лишь на периферии сознания — имплант блокировал не только эмоции, но и самые яркие ощущения, — но всё равно не мог сдержать недовольную гримасу.

Коридор был длинным и узким. По его стенам и потолку тянулись трубы, которые уходили в стены и исчезали в темноте. Трубы были покрыты бурой слизью и издавали тихий гул — где-то внутри них текла грязная и тяжёлая вода. Слизь блестела в свете фонарей, влажная, тягучая, и в некоторых местах она свисала с труб тонкими нитями, как паутина. Гарм старался не задевать их плечом.

Между трубами можно было разглядеть узкие проёмы, ведущие в небольшие тупики, где стояли запасные насосы — старые, покрытые пылью и плесенью. Плесень была бледно-зелёной, с белыми крапинами, и она росла не только на насосах, но и на стенах, расползаясь по креолиту, как сыпь. Гарм посветил фонарём в один из таких проёмов и увидел, что насос

вышел из строя: кабель был повреждён, а на полу виднелась лужа. В луже что-то шевелилось — тонкое, белое, как червяк. Гарм не стал смотреть, что это.

Коридор освещался тусклым неоном, который мигал с треском, и аварийными лампами — красными, с трещинами в плафонах. Они отбрасывали дёрганые тени, которые метались по стенам, словно испуганные крысы. Где-то ритмично капала вода, как секундная стрелка. Капля падала на металл, и звук был звонким, коротким, как удар по нерву.

Гарм шёл первым, держа фонарь в правой руке, а левую, хромированную, чуть приподняв на весу. Плечо немного тянуло — металл был холодным даже сквозь ткань комбинезона, — и каждый шаг отдавался в импланте тупой, ноющей болью. Дар шёл следом, на полшага позади, и его быстрые, семенящие шаги не поспевали за тяжёлым шагом Гарма. Он держал свой фонарь двумя руками, как оружие, и светил то вперёд, то по сторонам, то себе под ноги. Его дыхание через респиратор было частым, поверхностным.

На верхней трубе, метрах в пяти впереди, сидела крыса. Большая, серая, с блестящими глазами-бусинами. Она не двигалась. Просто сидела и смотрела. Гарм посветил на неё — крыса не моргнула. Только чуть повернула голову, следя за лучом. И когда они прошли мимо, она осталась сидеть, провожая их взглядом.

— Ты сказал, отец работал в водоочистителях, — начал Гарм. Голос через респиратор звучал глухо. — Кем?

Дар помолчал. Свет его фонаря дёрнулся, ушёл в сторону, вернулся.

— Сантехником. Чистил трубы, менял фильтры. Говорил, что работа грязная, но деньги хорошие. — Он сглотнул. — Он всегда говорил: «Не лезть туда, где тебя не ждут. И не трогать то, что не твоё». Я тогда не понимал. Всегда думал, что это он про свои инструменты.

— Он погиб на работе?

— Если бы. — Дар помолчал. — Он погиб в баре. Пятнадцатый сектор Приуса. Бар «КротоБар».

— Знаю этот бар. — Гарм направил луч на что-то на верхней трубе. Крыса. Та же самая или другая — не понять. Она пискнула и рванула прочь, царапая когтями металл. Дар лишь кинул на неё быстрый взгляд.

— Да. Паршивое место. Там всегда пахнет кислым пивом и мокрой шерстью.

— И что с ним стало? Потасовка?

— Долг. Он был картёжником. А долги картёжников — хуже оторванной головы. Его просто… — Дар сделал паузу, подбирая слова помягче. — …Не стало. Тело вышвырнули на помойку в переулке, как мусор. Я потом ходил туда. Искал. Нашёл только его куртку. Она была в крови. Я её сжёг.

— Соболезную, — сказал Гарм.

— Да.

Гарм ничего не ответил. Он смотрел вперёд, на трубы, на тёмный коридор, который уходил вдаль. Он знал, что такие слова не лечатся. Он сам их слышал. Много раз. Он помнил, как ему говорили то же самое. «Соболезнуем». «Прими наши соболезнования». Слова, которые ничего не значили. Просто звук.

— Он знал эти туннели? — спросил он наконец.

— Эти? — Дар оглядел коридор. — Вряд ли. Он работал на территории «Касты». В западной части Яра. А это восточная.

— Тогда откуда ты знаешь, куда идти?

— Все коридоры устроены логически сложно, но если понять суть — они просты. — Дар пожал плечами. — Так просто не объяснить. Просто знаю, что если идти по той трубе, — он осветил лучом трубу, которая ничем не выделялась среди других, — просто шла по центру, — то мы выйдем к сектору В. А вон та — он перекинул луч на другую сторону, на блестящую трубу, — тянется вперёд на километры, прямо до центрального узла. Из-за её конструкции она

самая прочная и может выдержать большое давление. Уверен, она не менялась и не ремонтировалась уже несколько столетий.

— Понятно. — Гарм кивнул. — Другие, что под цехами, менее прочные из-за урезанного финансирования.

— Верно, — подтвердил Дар. — Всё, что касается территории цехов, — обязанности самих цехов. Так отец рассказывал.

Они прошли ещё несколько метров. Коридор расширился, потом снова сузился. Трубы стали толще, кое-где покрылись разводами — бурыми, влажными. Гарм посветил на один развод. Тот блеснул в свете фонаря. Слизь. Тягучая, как гной. Она пахла — даже через респиратор — чем-то приторным, тошнотворным. Гарм почувствовал, как желудок дёрнулся.

— В центральном канале уже есть сигнал, — сказал Дар вдруг. — Бригада, а скорее дрон-разведчик, уже идёт по трубам. Они знают, что здесь прорыв. Но они могут не успеть.

— Почему?

— Коридоры тянутся на километры. Под всем Нижним Яром. Спуск в центральный канал — далеко отсюда. Они могут идти час, два. А вода — она просто идёт быстрее. Важнее не то, что будет с цехом, а то, что ты напишешь в отчёте.

Гарм кивнул. Он знал это. Он видел, как вода в цеху прибывает быстрее, чем уходит. Видел, как дроны не справляются. Видел, как хлопья гнили цепляются за металл.

И где-то в глубине его сознания, за стеной, что-то шепнуло. Тихо. Ритмично.

«…Идём…»

ШЛЁП.

Что-то за стеной шлёпнуло. Будто кто-то уронил мокрую половую тряпку. Что-то шевелилось за толстой стеной.

Гарм сжал и разжал новую кисть. Пальцы послушались. Хром лязгнул. Дар вздрогнул от неожиданного звука, но ничего не сказал. Его фонарь дёрнулся, луч метнулся по стене, выхватил на мгновение трубу, покрытую слизью, и вернулся.

Они шли дальше. Коридор повернул, и впереди показался свет — не тусклый неон, а что-то более яркое, ровное. Гарм остановился. Дар тоже. Где-то позади, в темноте, снова шлёпнуло. Тихо. Но отчётливо.

— Что это? — спросил Гарм.

— Сектор Б. — Дар посветил фонарём. — Там должен быть поворот направо и, как обычно, массивная дверь в водоочистители грубой очистки.

— Это по свету понял?

— Не, по насечкам, что оставляют сантехники. — Он осветил одну трубу, ту, что выше всех. На ней была насечка в форме буквы «Z». — Верхняя часть показывает путь к выходу. Нижняя — к фильтру. Есть ещё в форме «T» — где длинная показывает сторону центра, и «X», которые показывают скрытые узлы и связи. Ещё есть насечки в форме «V» — они показывают ближайший выход. Но странно, что я пока их не видел.

Гарм смотрел на насечку. Она была нацарапана глубоко. Словно гвоздём. Чуть осмотревшись в поисках очередной насечки, они пошли дальше, к Сектору Б, который ждал их за поворотом.

На трубе, которую только что осветил Дар, сидела крыса. Та же самая или другая — не понять. Она смотрела на них. Не двигалась. Только усы шевелились. Гарм посветил на неё — крыса не моргнула. И когда они прошли мимо, она осталась сидеть. Провожая их взглядом.

Сектор Б был точно за поворотом, как и сказал Дар. По полу вода текла ручьём в дренажную систему, забитую какими-то ошмётками и тряпками. Ошмётки были бурыми, волокнистыми, и они чавкали под подошвами. Гарм пнул их в сторону, чтобы высвободить путь для воды. Пахнуло гнилью — резко, кисло, — и он поморщился даже через респиратор.

Распахнув массивную дверь, они очутились в помещении грубой фильтрации. Комната была тёмной. Лишь немного света от лампы над дверью — жёлтого, тусклого, с трещиной в плафоне. Внутри пахло жутко даже через фильтры — сладковато, тошнотворно, с металлическим привкусом.

Гарм посветил фонарём. Луч выхватил из темноты стены, покрытые слоем бурой слизи, трубы, уходящие в потолок, и две машины — массивные, металлические, с облезшей краской. Та, что слева, ещё работала — гудела ровно, но в её гудении слышался хрип, как будто внутри что-то скребло. Та, что справа, молчала. Индикаторы на её панели мигали красным, и писк шёл именно оттуда — тонкий, прерывистый, как у умирающего.

— Замок, — сказал Дар, осветив панель доступа на левой машине. — Старый. Механический. Ключ нужен.

— Или ломик, — ответил Гарм.

Он подошёл ближе. Респиратор прилипал к лицу, резина пахла чужой кожей и дезинфекцией, но даже сквозь неё пробивался тот самый сладковатый запах гнили. Гарм посветил на панель. Замок был встроен в корпус, с толстой дужкой и скважиной, забитой грязью. Он поддел её ногтем — грязь отвалилась куском, оставив на пальце бурый след. Под ногтем что-то осталось. Гарм вытер палец о штанину.

— Держи фонарь, — сказал он Дару.

Дар взял фонарь. Гарм достал из сумки отвёртку — плоскую, с широким жалом, — и вставил её в скважину. Повернул. Металл скрипнул. Замок не поддался. Гарм надавил сильнее. Что-то внутри щёлкнуло, и дужка выскочила из паза.

— Готово, — сказал он.

Он приподнял крышку панели. Внутри было темно. Гарм посветил. Фильтры — два цилиндра, покрытые слоем слизи, — стояли в своих гнёздах. Один был почти чистым. Другой — забитым до отказа, с торчащими волокнами и чем-то бурым, что оплетало его, как паутина. Слизь на нём была свежей, влажной, и она медленно стекала вниз, капала на дно панели.

— Этот менять, — сказал Гарм, ткнув пальцем в забитый фильтр. — Второй ещё поработает.

— А почему правая машина не работает? — спросил Дар.

Гарм подошёл к правой машине. Посветил на панель. Индикаторы мигали, писк не прекращался. Он приложил хромированную руку к корпусу. Металл был холодным. Слишком холодным. Как будто машина уже давно мертва.

— Питание, — сказал он. — Или предохранитель. Или что-то в проводке.

Он наклонился, заглянул под машину. Провода были перегрызены. Не перерезаны. Именно перегрызены — с рваными краями, со следами зубов. Медные жилы торчали, как обрубленные нервы. Гарм выпрямился.

— Дар, — сказал он ровно. — Ты когда-нибудь видел, чтобы крысы грызли силовые кабели?

Дар подошёл. Посветил. Помолчал.

— Никогда. Может, кто из пьяных сантехников? — неуверенно предположил Дар.

Гарм ничего не ответил. Он смотрел на перегрызенные провода. И где-то в глубине его сознания, за стеной, что-то шепнуло. Тихо. Ритмично.

«…Тут…»

— Меняем фильтр, — сказал Гарм. — И уходим.

Он вернулся к левой машине. Дар остался у правой, светил ему фонарём. Гарм взялся за ручку фильтра, повернул. Металл заскрипел. Фильтр вышел из гнезда с влажным, чавкающим звуком. Гарм вытащил его — тяжёлый, покрытый слизью, — и отбросил в сторону. Тот шлёпнулся на пол, оставив на бетоне бурый след. Слизь брызнула на ботинки.

Из сумки он достал новый фильтр — чистый, в упаковке. Сорвал плёнку. Вставил в гнездо. Повернул. Защёлкнул.

— Готово, — сказал он. — Уходим.

Они развернулись. И в этот момент лампа над дверью мигнула. Раз. Другой. И погасла.

Стало темно. Только два луча фонарей — тонких, дрожащих — упёрлись в стены. И в этой темноте, где-то за спиной, у правой машины, что-то шлёпнуло. Влажно. Тяжело. Как будто кусок мокрой ткани упал на бетон.

Гарм обернулся на шум. Дар чуть медленнее.

Луч фонаря выхватил из темноты массу. Фиолетово-бурую. Волокнистую. С застывшей ужасной улыбкой вместо лица. Она нависла над правой машиной и теперь медленно, тяжело спускалась. Слизь капала с неё на пол. Внутри и сбоку массы что-то пульсировало — рвано, с пропусками, как у старой киноплёнки, из которой удалили пару кадров. Пульс бил, как сердце. Как лёгкие. Как ужас, который бил по вискам Дара.

— Дар, — сказал Гарм ровно. — Уходим. Быстро.

Дар не стал возражать. Он попятился, развернулся и поспешил к двери, случайно раздавив попавшуюся ему под ноги крысу. Гарм же остался стоять, уставившись на существо, если это можно было назвать существом. В правой руке он держал фонарь, а левая, хромированная, была сжата в кулак. Он наблюдал, как из этой массы вытягиваются тонкие, влажные, кератиновые отростки, похожие на острые щупальца. И они тянулись к нему.

Гарм не оцепенел от ужаса. В его голове бился голос. Голос Тота, голос Сферы, голос Иного.

«…Ты видишь, во что превращается порождение вселенского хаоса, у которого нет души… моего кода… Это вы… Вы… Смотри… Смотри… СМОТРИ!.. Вы должны знать!..»

И где-то в глубине его сознания, за стеной, что-то сказало в последний раз.

«…Это Вы…»

Конструкт ударил первым.

Гарм едва успел убрать фонарь. Масса — фиолетово-бурая, волокнистая — рванулась с места быстрее, чем он ожидал. Костяной отросток, длинный, влажный, с зазубринами, как ржавый серп, рассек воздух там, где секунду назад была его голова. Гарм отшатнулся. Второй отросток прошёл справа — Гарм пригнулся, и тот чиркнул по трубе, высек искру, оставил на металле белую царапину. Третьего он не увидел.

Отросток ударил снизу. Гарм почувствовал не боль — имплант отсек её мгновенно, — а толчок. Как будто что-то тяжёлое врезалось в ногу и прошло сквозь неё. Он потерял равновесие и упал на спину. Фонарь вылетел из руки, покатился по бетону, луч заметался по стенам, выхватывая из темноты трубы, слизь, куски чего-то бурого.

Гарм поднял голову.

Его правая нога — от колена и ниже — лежала в стороне. Отсечена. Чисто. Как будто по маслу. Кровь хлестала из культи — тёмная, густая, — заливала комбинезон, бетон, инструменты. Имплант отсек боль, но не кровь. Кровь шла. И с каждой секундой её становилось меньше.

Он не вскрикнул. Не попытался встать. Просто смотрел.

Конструкт навис над ним. Масса пульсировала, переливалась, и в её глубине что-то двигалось — медленно, тяжело. Потом из тела конструкта выдвинулась трубка. Тонкая, влажная, с блестящими краями. Она воткнулась в отсечённую ногу.

«…Теперь ты ему не интересен… Ему интересна плоть… То, что уже не живое… То, что было создано первым…» — сказал голос.

Нога дёрнулась. Гарм увидел, как она деформируется. Кость хрустнула, вывернулась под неестественным углом. Плоть потекла, как воск, принимая новую форму. Отростки, костяные

наросты, что-то бурое, волокнистое — нога перестраивалась, становилась частью конструкта. Медленно. Тяжело. С чавканьем.

Гарм смотрел. Имплант отсекал боль, но не ужас. Ужас был где-то за стеной, далеко, и он бился о стекло, но не мог до него дотянуться. Гарм просто лежал и смотрел, как его собственная нога становится чем-то другим.

Кровь шла. Бетон под ним был уже мокрым. Тёмным.

И тут в коридоре, где-то за спиной конструкта, раздался топот. Быстрый. Семенящий. Дар.

Он вылетел из-за поворота, и его фонарь ударил по глазам Гарма — яркий, режущий. Дар остановился. На секунду. Он смотрел на конструкта, на ногу, на Гарма. Его лицо было белым. Руки дрожали.

— Гарм… — выдохнул он.

— Не подходи, — ровным шёпотом сказал Гарм. — Он… Ему нужна плоть. Ты успеешь убежать, пока он занят мной. Уходи.

Дар не подошёл. Он стоял и смотрел. И в его глазах был страх. Тот самый, который говорит: «Беги». Он хотел бежать. Гарм видел это. Видел, как Дар борется с собой. Как его ноги дёргаются, чтобы развернуться. Как пальцы сжимают фонарь.

— Ты сумасшедший, Гарм, — сказал Дар тихо. — Я не могу просто уйти и бросить!

— Тогда помоги, — прошипел Гарм. — Нога купит время. Но ему нужна ещё плоть. У тебя есть что-нибудь? Еда? Мясо?

Дар моргнул.

— Что?

— Мясо. — Гарм кивнул на конструкта. — Ему нужна плоть. Мёртвая. Живая ему интересна меньше мёртвой.

Дар посмотрел на конструкта, затем на свою ногу, а после — на Гарма. Он вспомнил, как во время их поспешного отступления раздавил крысу, которая, как ему казалось, следила за ними. Большая серая тварь с блестящими глазами-бусинками лежала у его ног в луже крови, ещё тёплая и безжизненная.

Он схватил её за хвост, поднял, и она повисла, как тряпка. Размахнувшись, он бросил её в сторону конструкта. Крыса пролетела по дуге и приземлилась на бетон в метре от него. Масса дёрнулась. Конструкт уже заканчивал с ногой, но новое движение отвлекло его. Он повернулся, медленно и тяжело, и пополз к крысе. Отростки тянулись вперёд, обхватывая и подтягивая добычу.

Дар рванулся вперёд и упал на колени рядом с Гармом. Он снял с пояса старый ремень с потёртой пряжкой-фиксатором и обмотал его вокруг культи, выше колена. Рванул, затянул — пряжка впилась в кожу. Кровь не остановилась совсем — продолжала медленно сочиться. Но напор стих.

— Держись, — сказал Дар. Голос дрожал. — Держись, Гарм. Слышишь?

Гарм кивнул. Медленно. Голова кружилась. Он чувствовал, как кровь уходит, как тело становится лёгким, пустым.

Дар подхватил его под мышки. Поднял. Гарм попытался опереться на уцелевшую ногу — левую, — но она подкосилась. Дар удержал. Перекинул руку Гарма через своё плечо.

— Прыгай, — сказал он. — На одной. Давай. Раз. Два.

Гарм прыгнул. Раз. Другой. Третий. Каждый прыжок отдавался в затылке, в импланте, в пустоте, где раньше была нога. Дар держал его, толкал вперёд, не давал упасть. За спиной, в темноте, конструкт чавкал. Он был занят крысой. Недолго. Но достаточно, чтобы двое выбрались в коридор. И теперь оставалось полагаться на упорную волю к жизни Гарма и выносливость Дара.

Выйдя в коридор, Дар перехватил руку Гарма, взял вторую, нагнулся, упёрся ему в живот, чтобы подтянуть его на плечи. Взяв Гарма, как мешок, он понёс его дальше. Они прошли ещё несколько метров. Коридор повернул. И впереди, в свете фонаря, показался другой конструкт. Меньше первого, но такой же быстрый. Он выскользнул из бокового проёма и преградил им путь. Масса пульсировала. Отростки тянулись.

Дар остановился. Гарм почувствовал, как он напрягся. Как его пальцы впились в плечо.

— Твою мать, — выдохнул Дар.

Он огляделся. Луч фонаря заметался по стенам. Трубы. Слизь. Проёмы. И один — узкий, низкий, почти незаметный — в стене слева. Лаз. Дар знал такие: служебные помещения, датчики давления, запасной насос для аварийного выключения подачи. Маленький. Тесный. Шанс небольшой, но он был. Массивный конструкт в лаз не пролезет — пока не перестроит своё тело. А значит, время можно выиграть.

— Туда, — сказал Дар. — Слева. Лаз.

Подойдя ближе, пока конструкты неспешно подбирались с двух сторон, Дар скинул Гарма. Гарм упал на бетон, ударился плечом, но не почувствовал. Дар подтолкнул его к лазу.

— Быстро. Внутрь!

Гарм не стал спорить и пополз. На локтях. Цепляясь за трубы. Хромированная рука выручала: подтягивала тело вперёд с непривычной лёгкостью. Уцелевшая нога скребла по бетону, культя волочилась, оставляя тёмный след. Лаз был узким, бетон царапал плечи, но он лез. Вперёд. В темноту. Дар лез следом, и его дыхание было частым, рваным, как будто он сам бежал.

За спиной, в коридоре, что-то шлёпнуло. Ближе. Ещё ближе. Но не догоняло. Конструкт не спешил. Он знал, что они далеко не уйдут. Сначала один. Потом второй. Они не торопились.

Гарм выполз в тупик. Маленькое помещение с решёткой вентиляции. Стены в датчиках, трубах, вентилях. В углу — насос, старый, покрытый пылью. Света не было. Только луч фонаря Дара, который пробивался через лаз.

Дар вполз следом. Развернулся. Прижался спиной к стене у входа. Фонарь в руке дрожал. За ухом пикнул чип. Появилась связь, и перед глазом возник мерцающий экран.

— Скет! Скет! Ответь!

Гудков не было. Как и связи. Армированные трубы и помещения блокировали связь.

— Сука! — выругался он. — Что теперь?

— Вентиляция, — сказал Гарм тихо. — Уходи через вентиляцию.

— А ты? — голос Дара дрогнул.

— Я их задержу. Мне… — Гарм едва мотнул головой, стараясь не терять сознание. — Мне уже не выжить… Я потерял слишком много крови… Уходи, Дар… Иди…

Дар смотрел на Гарма ещё несколько секунд. Внутри него скреблось что-то ужасное. Его глаза покраснели. Наворачивали слёзы. Он не хотел бросать Гарма. Но не бросив его, они погибнут оба.

Гарм лежал на бетоне. Смотрел в потолок. Кровь из культи уже не хлестала — жгут держал, — но её было много. Слишком много. Бетон под ним был мокрым. Тёмным.

— Всё хорошо, Дар, — сказал он ровно. Как всегда. — Передай Аде, что… — Гарм на секунду застыл. — Позаботьтесь о ней… Хорошо?

Дар кивнул. Гарм в ответ улыбнулся и протянул ему руку. Дар посмотрел на раскрытую ладонь. Пожал. И это пожатие было как обещание. Как клятва, которую Дар обязан был исполнить.

— Спасибо. — Гарм вяло опустил руку. — Теперь беги… Уходи. Мной они будут заниматься долго.

Дар сжал кулаки, полез в нагрудный карман, доставая отвёртку. Он не отводил глаз от Гарма. Последнее, что он хотел запомнить. Он хотел что-то сказать — взять с собой хоть слово. Но понимал. Слишком явно понимал, что это невозможно. Гарм лишь лежал и слабо улыбался.

— Привет, милая, — произнёс Гарм, наблюдая за тем, как Дар исчезает в вентиляционном отверстии, а в проём просачиваются конструкты. Он активировал устройство связи за ухом — перед глазами возник мерцающий экран. На нём появилось небольшое изображение, вероятно, усиленное имплантом.

— Пап, ты меня разбудил. Всё хорошо? — раздался голос Ады.

— Прости, я не хотел. — Гарм с трудом сглотнул. — Да, всё в порядке. Просто хотел услышать твой голос. Ты в порядке?

— Да, пап. Всё хорошо. Телла осталась с нами на ночь. Ты скоро вернёшься?

— Папе… — Гарм пытался подобрать слова, чтобы она ничего не заподозрила. Но Ада была слишком умной, чтобы ему поверить. — Папе нужно уйти. Надолго.

— Понятно. — Он услышал её вздох. — Спасибо тебе, пап.

— За что спасибо?

— За всё. — Голос Ады дрогнул. — За то, что не оставляешь меня одну…

— Я… — голос Гарма растворился в пустоте. Связь прервалась.

По щеке Гарма скатилась слеза. Он хотел сказать, как сильно её любит, но не успел. Имплант пытался заглушить эмоции, но они были слишком сильны. Даже для него.

Хрип приближался. В щели уже начали появляться жвалы. Гарм спокойно наблюдал за происходящим, не думая о своей смерти. Он думал лишь о своей дочери. Ада не осталась одна. Телла, Дар… Он знал, что они позаботятся о ней. Теперь можно и уходить. К Маре. Стать ещё одной записью на табличке. Записью, которую никто не будет протирать, как он делал это с табличкой Мары.

Он закрыл глаза. Тело постепенно немело. Сознание терялось. Мир погрузился во тьму.

«…Слишком рано, Гарм… Я не готов тебя забирать… Не готов забирать твой код… У нас много работы… Ты слишком уникален… Ада уникальна… Я вижу… Ада… Ключ…» — произнёс голос во тьме.

Глава 7. «Судьи»

Кабинет Пао был единственным местом в цеху, где пахло не машинным маслом, а кофе. Синтетическим, дорогим, из тех, что продают в автоматах на верхних ярусах. Он пил его маленькими глотками и смотрел на дверь.

Дверь открылась без стука.

Их было трое. Чёрный хром, синий отлив, маски-респираторы с вертикальными прорезями. Красные огоньки в прорезях. Они не вошли — они заняли кабинет. Как вода занимает трещину. В руках Скета был мокрый тёмный мешок, в котором лежало что-то размером с футбольный мяч.

Пао вздрогнул. Чашка дрогнула в руке — кофе плеснул на стол, на планшет, на отчёты. Он не заметил.

— Привет, Пао.

Голос Скета был ровный. Без угрозы. Как приговор, который уже вынесли и теперь просто оглашают.

Самый маленький из них, с иглами вместо зубов и кошачьими глазами-имплантами, запрыгнул на сейф слева от Пао и принял позу лягушки, жадно улыбаясь. Он был похож на хищника, который, не мигая, глядел на Пао с безумным оскалом и перебирал в хромированных пальцах монету — физический коинт.

— Вы... Вы чего? — Пао попытался улыбнуться, не сводя глаз с хищной улыбки пришельца.

— Скет, можно я откушу ему ухо? — с ухмылкой спросил коротышка, сидящий на сейфе. Его угроза была не просто шуткой. По глазам было видно: получив одобрение, он откусит не только ухо, но и половину черепа.

Скет не ответил. Он сел напротив Пао, вальяжно закинув ноги на стол. Со ступней стекала слизь — та самая, что недавно была повсюду в цеху. От неё исходил тошнотворный запах, давно исчезнувший из кабинета Пао благодаря дорогим ароматизаторам.

— Я слушаю внимательно, Пао, — сказал Скет, поглядывая на свои хромированные пальцы, будто разглядывая маникюр.

— Скет. Я... Я не понимаю. Что случилось? Ты про фильтры? Цех? Мы... Мы всё сделали! Производство идёт, Скет, — затараторил Пао. — Гарм с мелким... Они пошли. Они сами...

— Заткнись, нахер... — с шипением перебил его Скет. — Пао. Мы давно знаем о твоих тёмных делишках. Обидно, что нашу доброту ты принимал за слабость.

Скет закинул мешок на стол и вывалил содержимое. На стол выкатилась голова, застывшая в гримасе ужаса. Кровь залила планшет.

— Узнаёшь?

Пао с ужасом смотрел на голову. Он узнал своего куратора. Карон. Парень с «Центра», который вёл дела с грузом поставки фильтров для водоочистителей. С головы был вырван его стеклянный глаз-имплант, а сама голова была не отрезана, а вырвана. Словно кто-то взял и отвинтил, прихватив кусок позвоночника.

Пао побледнел. Стал бледным, как седативный гриб.

— Мне одно не ясно, Пао. Что ты от этого выиграл? Думал, что наш район перейдёт к Центру, и ты заживёшь красиво?

— Нет-нет... Я... Я не думал! Нет! Это не правда, Скет! Я всего лишь связывал каналы для поставок! Этот... Карон, он был лишь связным! Он помогал нам, Скет! Поверь! — Пао оправдывался, оглядывая всех. — Фильтров действительно не было, я не виноват!

— Как и вид на жительство в Поднебесье? Ты за наш счёт хотел туда выехать?

— Что? Нет! — Пао снова залепетал, что-то судорожно выискивая под столом. Коротышка дёрнулся. Пао это заметил и отшатнулся. Он аккуратно достал листок договора и протянул Скету, не сводя глаз с коротышки. Скет взял лист и принялся изучать.

— Мать, значится. Больная. Счёт... Ага... Пятьсот тысяч коинтов. «Помпей-Госпитал». Рак.

Скет кинул бумажку обратно.

— Эта филькина грамота должна мне что-то объяснить?

— Я перечисляю все свои деньги на её помощь, Скет, — выдохнул Пао и стал серьёзнее. — Она борется за жизнь. А я... А я стараюсь как могу.

— Чужой жизнью... — подытожил Скет. — Гарон нам всё и рассказал. — Голос был ровным, как приговор судьи на зачистке. — Ты обязан был нам всё рассказать, Пао. Когда фурманы в опасности, мы должны влезть в ситуацию. Но ты решил, что можешь управлять нами. Нашим мнением и действиями. Нашими правилами и пактом. Ради одной своей цели.

Пао вспотел. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, глотая воздух. Он молчал. Знал: его слова только ухудшат дело. Одно неверное движение — и неизвестно, откуда появится ствол. Кофе на столе разлился, растёкся лужей и капал на пол. Кап. Кап. Как секундная стрелка.

— А теперь о главном... — Третий выдержал паузу. Худощавое тело, искусственные дреды, чёрная майка. Человеческими оставались лишь лицо и тело. Остальное было из чёрного хрома. Руки, ноги, спина — импланты.

Он прошёл мимо Скета к столу Пао и положил на стол имплант Гарма — вырванный вместе с частью черепа.

— Это... Это имплант Гарма? Что мне с ним сделать?

— Заткнись и слушай! — грубо произнёс третий низким металлическим голосом, доставая из своей руки провода с входами и выходами. Он подключил к себе имплант, загрузил файл — и воспроизведение началось.

———

— Привет, Телла, — раздался в трубке голос Пао. — Зря ты затеяла с этим имплантом. Он теперь стал ближе к Бинарам. Связным.

— О чём ты говоришь? Имплант был моим подарком, чтобы он перестал себя мучить, а не для того, чтобы сделать из него стукача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.